

Статьи в журнале «Почин»

- ФЕВРАЛЬ, 1920 г.
- МАРТ, 1920 г.
- АПРЕЛЬ, 1920 г.
- ИЮЛЬ, 1920 г.
- СЕНТЯБРЬ, 1920 г.
- МАРТ-АПРЕЛЬ, 1922 г.

ФЕВРАЛЬ, 1920 г.

1920, источник: [здесь](#). Газета «ПОЧИН», Анархо-Кооперативный Листок. № 2, фев, С. 1.

Конфессии

Капитал подобен назойливой мухе: гонишь в дверь, влетает в окно. Октябрьская революция, долженствовавшая упразднить частный капитализм, действительно осуществила эту цель, по крайней мере по отношению к крупному капиталу. Но это „завоевание революции“ досталось ценой окончательного разрушения промышленности страны. Быть может, кое-какие отрасли национализированной промышленности уцелеют и возродятся. Царское правительство тоже имело казенные заводы и фабрики. Но, очевидно, мало надежды, чтобы государственная промышленность в ближайшем будущем смогла удовлетворить самые насущные потребности страны, а потому правящая партия пошла на крайние уступки, чтобы восстановить внешний товарообмен: она согласилась предоставить концессии иностранному капиталу.

Об этом возвестила официальная печать.

Итак, русский рабочий, находившийся под ярмом русских капиталистов, в ближайшем будущем будет эксплуатироваться иностранным капиталом.

Таков итог государственно-социалистического строительства, длящегося два с лишним года, и кровавых побед на всех внутренних фронтах.

В самом ли деле этот исход был неизбежен?

Да! „Великий опыт“, предпринятый большевиками, был заранее обречен на конечную неудачу, так как они пренебрегли самым существенным для производительности труда — живой душой рабочего, психологией трудящихся, и возомнили заменить человеческую личность и ее свободный творческий почин декретами.

Правящая партия даже не попыталась технически реорганизовать промышленность и взяла в свои руки лишь управление капиталистическими казармами, сооруженными при старом строе.

А между тем успех социальной революции целиком зависел от реорганизации промышленности на новом начале, — на начале, выявленном в технически более развитых странах.

Это — децентрализация промышленности. Она сближает рабочего с орудиями его труда, дает возможность труду и капиталу слиться в одних руках и тем повышает

производительность труда до тех поразительных степеней, многочисленные примеры которых приводит Кропоткин в своем обстоятельном труде „Поля, фабрики и мастерские“.

Децентрализованная промышленность, объединенная на добровольных кооперативных началах, — вот ключ к разрешению социальной проблемы. Этого не поняли большевики в своем ослеплении властью, поэтому им приходится снова открывать окно, пробитое еще Петром I-м в западную Европу.

Что делать?

При последовательном изменении исторической обстановки перед прогрессивным меньшинством общества неизменно встает вопрос, настойчиво требующий ответа: что делать?

Этот вопрос теперь стоит в острой форме перед анархистами в Советской России и разрешается ими двояко.

Одни, еще не окончательно изверившиеся в возможность осуществить совместно с государственной властью хотя бы частицу свободных социалистических начал, проповедуют и практикуют сотрудничество с советской властью, находящейся в руках большевистской партии. Правда, они делают кое-какие оговорки и проявляют некоторую брезгливость, отказываясь служить в чрезвычайке и полиции, но это суть дела не изменяет; они остаются анархистами-„соглашателями“ и в конечном итоге становятся поборниками власти, так как всякая откровенная власть допускает единственное отношение к себе — безусловное подчинение.

Понятно, что такое разрешение вопроса не смогло удовлетворить более последовательных товарищей.

Другая часть анархистов, — по причинам, в рассмотрение которых несвоевременно теперь входить, — бросилась в противоположную крайность и вступила на путь открытой борьбы с советской властью, вплоть до принципиальной проповеди террора.

Но поскольку террор, как непосредственное воздействие на крайние проявления насилий и жестокостей, подобный бессмертному акту Вильгельма Теля, естествен и встречает всеобщее сочувствие, постолько террор, как система, так называемый безмотивный, огульный террор, кем бы он ни применялся, правительственной ли властью или отдельными группами и лицами, противен общественному чувству.

Тем не менее критика не ответ, не разрешение задачи: что же делать анархистам?

На этот вопрос мы ответим словами Кропоткина: — Я всегда говорил анархистам, когда они указывали на наши недостатки в том и в другом: „Faites mieux á côté“ (сделайте лучше рядом).

Учитель не только говорил, но он еще указывал, как сделать лучше.

Когда волна безмотивного террора захлестнула западно-европейское анархистское движение, то на столбцах „Temps Nouveaux“ он дал ответ на мучительный вопрос что делать и направил бурлившую молодую энергию к более плодотворной деятельности.

— Идите в рабочие профессиональные союзы, — проповедывал он.

Анархисты пошли в профессиональные союзы и внесли в них дух самостоятельности. На Западе профессиональное движение не идет, как у нас, на поводу у правительственной власти и не плетется за той или другой помогающей власти политической партией.

Но если профессиональные союзы призваны ограждать интересы трудящихся масс, то кооперативы организуют их общие интересы помимо правительственной власти. Последнее особенно важно в переживаемую нами историческую эпоху расшатанности старых хозяйственных взаимоотношений классов и выдвинувшейся необходимости их перестройки на иных началах, за явной несостоятельностью правительственной власти справиться с задачей.

Если анархистское меньшинство желает оказывать практическое влияние на ход современного общественного развития, если мы тоже хотим сказать свое слово, то должны идти в оба широкие народные объединения для взаимной помощи — в профессиональные союзы и кооперативы.

Приспособляемость к прогрессу и тех, и других для нас лучшая порука, что наши усилия не останутся бесплодными.

Новая „Держава“

Начало текущего года ознаменовалось событием, без примера в истории. В международный концерт государств разных размеров и режимов, вступила новая, особенная держава, — держава без армии, правительства, полиции, тюрем и иных атрибутов власти: это — великая анархистка, кооперация.

Для нее, для русской кооперации, снята блокада Советской России.

Несмотря на отмену тайной дипломатии нам неизвестно, что произошло за кулисами, но, очевидно, снятию блокады должно было предшествовать признание советской властью за русской кооперацией права на самостоятельный товарообмен. Искренно ли это признание или советская власть постарается использовать русскую кооперацию (кстати сказать, слишком покладистую), как подставную посредницу — по существу это не столь важно. Важна брешь, пробитая в глухой стене международных хозяйственных взаимоотношений, дающая кооперации основание и возможность отстаивать свою автономию и предъявлять свои права.

До сих пор международные взаимоотношения определялись двойной цепью таможенных рогаток. Признание за кооперацией права на самостоятельный международный товарообмен дает ей тем самым голос в разрешении таможенных вопросов.

Удастся ли кооперации добиться своего идеала — полной отмены таможенных пошлин и тем самым упразднения государственных хозяйственных границ?

От разрешения этого вопроса будет зависеть все практическое значение вступления кооперации на международное поприще.

С другой стороны, необходимым последствием признания за кооперацией права на международный товарообмен должно явиться снятие внутренней блокады русских городов от производящей деревни всякими заградительными отрядами и иными ухищрениями. Только при этом условии кооперация сможет плодотворно использовать для страны признанное за нею международное право.

Таким образом, для русской социалистической революции открываются новые перспективы развития в сторону кооперативного анархизма, вместо государственного капитализма, проводимого правящей партией ценой полного разорения страны и неизмеримых страданий народных масс.

Кооперативный общественный строй

„Кооперативное государство“, „кооператив наций“ — так называли мыслители, которых в иную эпоху, менее фантастическую, чем наша, прозвали бы утопистами — предусматриваемый ими территориальный и международный общественный строй, основанный исключительно на добровольных кооперативных объединениях, без принудительной государственной власти.

Осуществима ли на практике такая форма общежития?

Сама жизнь ответила на этот вопрос. Общественное развитие, подобно биологическому миру, порой осуществляет сочетание условий, схожих с научно задуманными опытами для наблюдений.

Кооперативный общественный строй, т.е. такие порядки, при которых общественные службы были бы организованы не принудительной государственной властью, распределившей их между разными министерствами или, как теперь называют, комиссариатами, а добровольным объединением, — не диалектическая фантазия. Можно привести пример значительного территориального объединения, располагавшего громадными средствами для организации общественных служб на кооперативных началах. Правда, участниками этого кооперативного объединения были главным образом промышленные акционерные общества, но разве они не являются кооперацией, приспособленной к интересам капиталистов? То, что было осуществлено кооперативами капиталистов, почему не может быть достигнуто кооперативами в прямом значении слова, кооперативами производящих и потребляющих масс?

Пример, на который я хочу сослаться, это — Бакинский нефтепромышленный район.

Всем памятна косность, неуклюжесть, медлительность старой самодержавной власти в деле организации общественных служб и их поддержания, а между тем кипучая жизнь нефтепромышленного района требовала особой эластичности, быстроты в решениях и практичности в исполнении для того, чтобы сделать обитаемым под палящими лучами южного солнца пустынный, песчаный, безводный Апшеронский полуостров.

Само существование нефтяной промышленности зависело от хорошей организации общественных служб. Нужно было возможно наилучшим образом организовать водоснабжение, канализацию, пути сообщений, школы, медицинскую помощь, социальное обеспечение на случай потери или уменьшения трудоспособности и т.д. Одних высоких зарплаток не было бы достаточно, чтобы привлечь рабочие руки в район добычи и обработки нефти.

За непригодностью государственной бюрократии перед нефтепромышленниками стояла крупная общественная задача: создать свой социальный строй.

И вот, они поступили так же, как поступают кооперативные организации для согласования и объединения своей деятельности: они съехались на съезд. На съезде выбрали Совет. Как видит читатель, идея советов не нова и не русской революцией создана система советского общественного строя. Промышленники осуществили свой советский строй в более практичных, более жизнеспособных формах, чем государственные социалисты, ибо их строй покоился не на грубом насилии, не на власти, а на добровольном объединении. К выборному Совету примкнули только те фирмы, которые добровольно изъявили на это согласие. Подавляющее большинство промыслов объединилось вокруг Совета, но были и отщепенцы, которые остались в стороне.

Совет Съезда Нефтепромышленников получил от своих избирателей мандат организовать самостоятельно общественные службы и для этого добиться от правительства своего рода экстерриториальности для нефтепромышленного района. Явление знаменательное: самодержавная власть, ревниво оберегавшая свои прерогативы даже от умеренно-либеральной государственной Думы, сдалась перед Советом. Этим самым она признала то, что не успели еще понять наши нынешние власти: всю непригодность бюрократической системы, неспособной никогда идти в ногу с развивающимися общественными потребностями, с прогрессом.

Закипела работа. Общественная инициатива, освобожденная от спуда государственной власти, быстро организовала на своей территории главнейшие общественные службы и совершенствовала их из году в год. Больницы и школы Совета были образцовыми и скорее, чем где-либо в России применяли у себя все усовершенствования и изобретения медицинской науки и педагогических приемов. Нормы социального обеспечения превосходили ставки в других отраслях промышленности страны. С нынешней пародией на государственное социальное обеспечение и сравнить не приходится.

А средства?

Средства слагались не принудительными и косвенными налогами, а добровольным самообложением.

Каждая примкнувшая к Совету фирма вносила в общую казну установленное копеечное отчисление с пуда добытой нефти и пользовалась безвозмездно для своих рабочих и служащих всеми общественными службами. Немногочисленные предприятия, не примкнувшие к Совету Съездов, платили за это пользование по мере надобности по известным ставкам.

Указывая на этот практический пример превосходства свободного территориального кооперативного объединения над бюрократической государственностью, я не имею в виду идеализировать его в целом и привожу лишь как поучительный урок.

Многому мы можем и должны научиться у капиталистического строя.

С другой стороны, переживаемый нами принудительный Советский строй не менее поучителен с отрицательной стороны, как порожденный не классовой борьбой — ибо здоровая классовая борьба не попирает завоевания общечеловеческой этики, а тройным проклятием — тройной войной; войной международной, междоусобной и гражданской.

Пример Бакинского Совета, — не большевистского, воспроизведшего лишь новый вариант строя принудительной государственности, а капиталистического, осуществившего, пусть не в полной мере, добровольный кооперативный общественный строй — нам показывает, в каком направлении искать осуществление нашего анархического идеала. Если верно, что „кооперативный идеал вполне совпадает с идеалом современного анархизма“ (Туган-Барановский), то не менее верно и то, что кооперация — практическая основа анархизма.

Хроника

■ Продовольственный вопрос. — Недавно возникший в столице Московский Союз Анархистов выпусти пространную Декларацию, в которой между прочим говорится, что „система монополий ложится тяжчайшим бременем как раз на городской пролетариат. В виду этого мы стоим: 1. за отмену монополий и системы твердых цен и 2. за передачу всего дела снабжения профессиональным союзам и кооперации“.

■ Вологодская инициатива. — 23 ноября м.г. в г. Вологде состоялось частное совещание представителей 4-х волостей и нескольких рабочих железнодорожных мастерских по инициативе группы крестьян для организации „Крестьянского Трудового Союза Маслодельных Артелей“. В докладе инициативной группы предлагается „сохранить независимость трудовых маслодельных артелей, как от подпавшего под опеку государства Северо-Союза, так и от самой государственной власти“.

В принятых резолюциях совещание нашло „организацию Трудового Союза деревни не только маслодельных артелей, но и всяких производств, желательным“ и „горячо призывает все передовое сознательное крестьянство и рабочих отбросить страх и трусость... и с усиленной энергией вести пропаганду среди пассивного крестьянства и рабочих за осуществление и проведение в жизнь Трудового Союза“.

■ Дипломатическое заявление представителей кооперации. — В связи с вопросом о снятии блокады с Советской России, представители русских кооперативных организаций за границей выступили со своего рода дипломатическим представлением-резолюцией, гласящей: „Кооперация примет участие в работах по возобновлению коммерческих сношений с Россией, если только непреодолимые препятствия, источником которых являются политические конфликты, в которые кооперация, как чисто экономический орган, вмешиваться не может, не помешают кооперации исполнить свою задачу“. Проще говоря, представители кооперации ставят свои условия для возобновления торговых сношений — невмешательство в деятельность кооперации как иностранных, так и русских политических властей.

К сведению читателей

Настоящий № „Почина“, как и первый, распространяется для ознакомления. Последующие №№ будут высылаться только лицам и группам, сделавшим соответствующий запрос в расчете на материальную поддержку по их усмотрению по мере получения последующих №№.

Для поддержания органа редакцией получено: от тов. Никольского — 85 руб., от т.т. Вологодской губ. — 90 руб., Гомельск. — 32 руб., Костромских — 15 руб., Тамбовск. — 5 руб., сочувствующего — 100 руб и от Н.П. — 4 фунта хлеба.

Запросы, материалы и деньги просим высылать по адресу:

МОСКВА, 1-й Дом Советов, комн. 219.
Тов. А.А. Карелину.

МАРТ, 1920 г.

1920, источник: [здесь](#). Газета «ПОЧИН», Анархо-Кооперативный Листок. № 3, март, с. 2-3.

Разрушение кооперации

Шаг за шагом, с неуклонностью физических законов, разрушается русская кооперация, — и это совершается в то самое время, когда она получила международное признание.

Но если в законах природы существует причинная последовательность и целесообразность, нельзя то же самое сказать о законах людских. В этом отношении советские декреты не составляют исключения.

Кооперация представляет из себя самый яркий пример народной самодеятельности не только в современной жизни, но и во всей истории человечества. Пусть она имеет свои недочеты, недостаточно развита в некоторых отраслях, но какая техника с самого своего возникновения достигала совершенства? А ведь кооперация есть ничто иное, как общественная техника для достижения известных целей, или, по определению Элизе Реклю, научная практика взаимной помощи.

Объединив широкие народные слои, кооперация вступила в борьбу с частным капитализмом его же приемами, и вела эту борьбу с несомненным успехом.

В самый разгар развития русской кооперации после ее освобождения от стеснений царского режима, ей начинают наносить удар за ударом, и это — во имя социализма.

Социалисты-якобинцы у власти, неспособные сами сносно организовать общественные службы, в частности, продовольственное дело, задумали использовать грандиозное народное кооперативное строительство для проведения в жизнь своих партийно-догматических умозрений.

Одно только они упустили из виду: без сомнения, они могут завладеть техническим аппаратом кооперации и всем ее имуществом, но не в их силах сохранить жизненность национализированной кооперации. Власть лишь превратит ее в один из своих административных отделов с бюрократической рутинной и мертвечиной, кооперация же возродится, как феникс из пепла, рядом, в новых, независимых формах.

Наши вологодские товарищи уже бросили призыв к созданию независимой кооперации, если даже для этого пришлось бы идти наперекор власти; завтра их почин станет всеобщим лозунгом.

Взаимная помощь — один из главных двигателей эволюции, не по плечу никакой власти остановить действие законов исторического развития, уничтожить научную практику взаимной помощи — кооперацию. Власть может лишь тормозить свободное развитие жизни.

Всеобщая трудовая повинность

Разрабатывается и проводится в жизнь грандиозный проект — всеобщей трудовой повинности.

На первый взгляд, как будто, осуществляется трудовое начало социализма, в действительности этот проект — логическое последствие разрушения в стране кредитного товарообращения.

Государственная власть могла, конечно, сломить всякое сопротивление и забрать в свои руки все банковские учреждения, но она бессильна была завладеть нервом банковских операций — кредитом, доверием.

Доверие, подобно любви, нельзя внушить декретом.

Разрушив весь кредитный аппарат, не остановившись даже перед кредитной кооперацией, для правительственной власти оставался лишь один путь, чтобы поддержать государственное хозяйство — вернуться к натуральной повинности.

Так поступает всегда власть в финансовом отношении отсталых странах.

К трудовой повинности прибегали египетские фараоны для воздвижения пирамид, азиатские сатрапы — для сооружения крепостей и, не так давно, царская власть пользовалась ею для проведения стратегических путей сообщения.

Новый проект уравнивает все слои населения и этим как будто приобретает социалистический характер, но на деле в нем столько же социализма, как во всеобщей воинской повинности демократических стран.

Социалистический труд, — труд свободный и тем самым не только полезный, но и привлекательный, — никогда не может стать принудительной повинностью, проводимой целым рядом карательных мер.

То, что в особенности отличает нынешний проект, это — распространение повинности на оба пола. В этой черте проглядывает вся диалектическая оторванность наших марксистских правителей от живой действительности. Ни египетские фараоны, ни азиатские деспоты, ни русские самодержцы не распространяли трудовую повинность на женщин. Понятно почему: — женщина, даже когда она не беременна или не кормит грудного ребенка, физиологически страдает несколько дней в месяц, а 9/10 из них болеют разными недугами, связанными с их половой жизнью. Физическое состояние женщины не поддается административному учету.

Не станем останавливаться на технических недочетах, хозяйственной нецелесообразности и моральной униженности трудовой повинности, огульно проводимой в жизнь.

Где же выход из экономического тупика, в который завела страну попытка осуществить на обширной отсталой территории государственное хозяйство?

Выход уже намечается: признание за частными лицами права на торговлю ненормированными продуктами, узаконение мелкой промышленности, эксплуатирующей не более 12 наемных рабочих и, наконец, возведенные концессии крупному иностранному капиталу, предвестники надвигающейся капиталистической реакции.

Единственный путь для избежания реакции, это — вернуть русской кооперации ее хозяйственную и кредитную самостоятельность и тем дать возможность широким потребляющим и производящим слоям народа организовать успешное соперничество с надвигающимся возрождением капитализма.

Но власть всегда близорука и самонадеянна. Поймут ли наши революционные якобинцы, что реакция, по наклонной плоскости которой они уже катятся, неизбежна, если не будут разорваны пути, мешающие хозяйственному развитию страны в сторону кооперативного анархизма?

„Трудовое Торговое Товарищество“

Общественные потрясения, нарушающие существовавшее равновесие между классами, называемые революциями, бывают велики не той мнимо-созидательной работой, которую пытаются осуществить партии, захватывающие власть, а пробуждением народной самодеятельности и ее направлением по новым путям, ведущим к обновлению устаревшего общественного строя.

Как прав Кропоткин, подтверждающий, на основании уроков современной русской действительности, что революции безнадежны, если они не сопровождаются именно постройкой работами самих масс!

Можно было бы прибавить, что революции гибнут, когда господствующая власть не дает народной самодеятельности свободно развиваться и когда она стремится насильственно направить ее в ту или другую сторону разными обязательными постановлениями и декретами.

Так была загублена плодотворная и много обещавшая народная самодеятельность в домовых и заводских комитетах, превращенных ныне в бесправные отделения административно-полицейских органов. К тому же стремится ничем не ограниченная партийная власть по отношению к кооперации.

Что старая кооперация имела свои недостатки, нуждалась в совершенствовании и обновлении, — в этом нет сомнения. Но вмешательство правительственной власти в ее

деятельность ведет лишь к гибели достигнутых кооперацией успехов.

Я бы хотел здесь обратить внимание на одну намечающуюся новую струйку в области товарообмена, способную обновить потребительскую кооперацию. Какова будет ее судьба, покажет будущее.

* * *

Непосредственный натуральный товарообмен между производителями разного рода продуктов, „между городом и деревней“, как принято говорить, — стал за последнее время ходячей формулой многих социалистов и анархистов, считающих посредников — капиталистов, государство и даже кооперацию, — несомненным злом. Такое упрощенное представление о товарообмене крайне наивно.

Торговля представляет из себя особую профессию, ремесло, требующее специальных знаний, и суть ее не в том, чтобы выжать наибольшие выгоды из потребителя, как делают капиталисты, или насильственно отбирать продукты у крестьянина, когда последний не доверяет государственным кредиткам и за утратившие всякую „твердость“ цены не отпускает хлеб, как того домогается социалистическая власть. Когда дело идет о торговле лечебными средствами, то тут ни у кого не является сомнений: от торговца аптекарскими товарами требуются научные знания относительно свойств отпускаемых медикаментов, способов хранения, взвешивания и т.д. Таковы требования по отношению к болезненным, патологическим нуждам человека. Но когда возникает вопрос о нуждах здорового человека, о его гигиене, о том, чем питаться, во что одеваться, как хранить продукты от порчи и т.п., то почему-то тут чуть не каждый считает себя компетентным.

В больших парижских магазинах, как „Louvre“, „Au Bon Marché“ и друг., продавцы и продавщицы не являются простыми сбытчиками с рук товаров. Они предупредительно осведомляют покупателя не только о цене товаров, но и о их качествах; помогают ему в выборе, справляясь о возрасте, профессии, климатических и общественных условиях жизни и здоровье потребителя; людям дородным посоветуют взять фуфайку из ткани, лучше впитывающей испарения кожи, старикам — более теплую; хозяйке скажут, какой сорт гороха или бобов легче разваривается, страдающим несварением желудка отсоветуют тот или другой сорт провизии, и т.д. Даже в вопросах красоты и вкуса они являются полезными советчиками, высказываясь, идет ли данная шляпа или одежда того или другого покроя или цвета к лицу покупателя. Для всего этого нужны разнообразные и специальные знания. А между тем в обыденной жизни для торговли находят более важным туго набитую кошелек или широко открытую общественную казну, а знания... в крайнем случае ведь их можно купить, наняв прикащиков, счетоводов, заведующих и т.д.

Так поступают капиталисты и государство, к сожалению, так же рассуждает потребительская кооперация. Собрать в складчину нужный капитал, выбрать правление-хозяина, кредитоваться в банке, а всю техническую торговую операцию возложить на наемных работников, — такова практика потребительской кооперации. Правда, выгоды от торговли на складочный капитал распределяются между вкладчиками, которые сами же являются покупателями, — в этом существенная и немаловажная разница от частной торговли, но коллективная капиталистическая эксплуатация технического труда все же

остается.

Русская революция пробудила в области торговли новый почин, способный обновить старые формы товарообмена.

Появившиеся за последнее время там и сям в Москве вывески: „Трудовое Торговое Товарищество“, „Трудовая Торговая Артель“, — представляют из себя целую программу перестройки потребительской кооперации.

На сцену выступает трудовой торговец со своими специальными знаниями и опытом, и предъявляет свои права на самостоятельное существование в формах организованных товариществ и артелей.

Но для торговли недостаточно одного труда и знаний, нужны также средства (капитал) и покупатели.

Объединение потребителей вокруг трудовых торговых артелей, снабжение их складочным капиталом на условиях отчетности, контроля, распределения выгод и т.д., выработанных в особых уставах, — такова возможная эволюция потребительской кооперации.

Эта новая форма представляет два основных преимущества перед старой потребительской кооперацией:

1) она устраняет наемный труд и вытекающую из него капиталистическую эксплуатацию служащих, и,

2) в ней искусственное, механическое выборное начало, сводящееся на практике сплошь и рядом к фиктивному проявлению воли членов и приводящее к кооперативному бюрократизму, заменяется органическим объединением трудящихся торговли с потребителями.

Профессиональные союзы и кооперации

Существует любопытный спор относительно характера профессиональных союзов: являются ли профессиональные союзы одним из видов кооперации?

К.А. Пажитнов, на том основании, что „профессиональные союзы стремятся к тому, чтобы содействовать материальному и духовному благосостоянию своих членов“ уподобляет их кооперации, так как „готового термина“ для того, чтобы дать его новому родовому понятию, сейчас не имеется.

Последнее утверждение необоснованно.

В своем научном исследовании над возникновением и развитием взаимной помощи П.А. Кропоткин приходит к выводу, что профессиональные союзы и кооперация представляют из себя разные формы взаимопомощи — этого могучего фактора прогрессивной эволюции.

Существенная разница между ними заключается в том, что кооперативы представляют из себя хозяйственные объединения, они содействуют благосостоянию своих членов организацией производства, обмена и распределения материальных и духовных благ, тогда как профессиональные союзы — объединения чисто политические, осуществляют благосостояние своих членов путем организованной защиты их интересов.

Коммунизм и кооперация

Эти два понятия на первый взгляд друг друга взаимно исключают. И действительно, если под коммунизмом понимать теорию и в особенности российскую практику государственного коммунизма, то нет ничего более противоречивого, чем государственный коммунизм и кооперация.

Последняя целиком зиждется на праве мелкой, хотя и объединенной, но все же частной собственности, тогда как государственный коммунизм отрицает всякую собственность, кроме государственной; он распространяет это отрицание также на трудовую собственность мелкого производителя — крестьянина (отбирание так называемых „излишков“) и более того, — даже на самый личный труд всего народа (всеобщая принудительная трудовая повинность).

Но если вникнуть в сущность коммунизма, выраженную в общепринятой классической формуле, данной Луи Бланом: „от каждого по его способностям, каждому по его потребностям“, то мы убедимся, что коммунизм в сущности совпадает с понятием о взаимной помощи и этим самым вплотную подходит к одной из форм кооперации — к взаимному страхованию.

Кооперация осуществляет сознательно, научно и организованно, то, что практиковалось в эволюции человечества более или менее случайно по инстинктивным этическим побуждениям.

В самом деле, что означает взаимное страхование? Смысл его тот, что пока ты трудоспособен, ты уделяешь некоторую долю продуктов своего труда в „общий котел“, часть заработка в общую кассу, из которой наделяются утратившие трудоспособность. Когда тебя постигнет та же участь, от несчастного стечения обстоятельств или от старости, то ты будешь обеспечен в том же порядке. С тебя не спросят, сколько ты внес в общую кассу, достаточно, что ты это делал, пока имел возможность и способность, чтобы наделить тебя по твоим потребностям, в предусмотренной равной мере с другими.

В то время, как государственный коммунизм обещает все всем, а на деле только мешает созидательному почину личности и тем понижает как производительность труда, так и общий уровень благосостояния, взаимное страхование, исходя от свободной личности, способствует скоплению общественных богатств и этим путем повышает средний уровень

благополучия трудящихся, и их обеспеченность.

Государственный коммунизм неосуществим в международной форме и несовместим с федерализмом, так как он тяготеет к хозяйственной централизации производства не только в национальном, но и в мировом масштабе. Государственный коммунизм по своей сущности империалистичен.

Кооперативный же коммунизм, — взаимное страхование, — напротив, не связывает свою судьбу с территориальными границами. Возникая повсюду, он переплетается в сети вольных союзов на истинных федеративных началах, объединяется через государственные границы и способен проникнуть мирным путем в жизнь даже отсталых народов, тогда как государственный коммунизм фактически исключает последние из сферы своего влияния, устанавливая „дружественные“ отношения с правительством таких азиатских деспотов, как афганские эмиры.

Истинный международный федеративный коммунизм осуществляет анархическая кооперация, а не государственный социализм.

К сведению читателей

— При этом номере прилагается листовка: „О кооперативном идеале“ проф. Туган-Барановского (извлечен. из его книги „Социальные основы кооперации“, 2-ое издан., стр. 492—493).

— По желанию наших читателей им будет выслана брошюра: „Кооперация и анархизм“ т. Ал. Атабекян.

— „Почин“ высылается всем лицам, группам и учреждениям, сделавшим соответствующий запрос в расчете на материальную поддержку по их усмотрению по мере получения последующих №№.

Для поддержания органа редакцией: получено: от тов. Краснопольского 65 руб. и от тов. М.М. Власова — 300 руб.

Запросы, материалы и деньги просим высылать по адресу:

МОСКВА, 1-й Дом Советов, комн. 219.
Тов. А.А. Карелину.

Анархистские листовки. — № 2.

О кооперативном идеале

Проф. Туган-Барановского.

Кооперативный идеал вполне совпадает с идеалом современного анархизма. Кооперация отрицает какую бы то ни было власть человека над человеком, власть большинства над меньшинством совершенно так же, как власть меньшинства над большинством.

Кооперация вполне свободна — кооператив никого не принуждает вступить в члены кооператива и никого не задерживает в своей среде. Всякий столь же свободно входит в кооператив, как и уходит из него.

В кооперативе нет принудительной власти. Правление, избранное членами, отнюдь не является такой властью, ибо каждый может избавиться от подчинения данному правлению, выйдя из кооперативов. В этом существенное принципиальное и основное различие между правлением и правительством. Правительство в демократическом государстве (хотя бы это государство было социалистическим) также избирается прямо или косвенно большинством граждан, но оно является принудительной властью потому, что самое-то участие в государстве не является для каждого гражданина актом свободного волеизъявления.

Весь строй кооператива в каждый данный момент определяется связанным договорами участвующих в нем лиц и может быть во всякий момент изменен в желательном смысле. Правда, этот строй определяется волею большинства, и меньшинство должно склоняться перед этой волей. Тем не менее воля меньшинства нисколько не подавляется волей большинства, ибо меньшинство имеет полную возможность уйти из кооператива и построить новый, свой собственный кооператив, в котором получит полное проявление воля тех лиц, которые были не согласны с решениями большинства членов старого кооператива.

Таким образом, все лозунги анархизма находят себе полное проявление в кооперативе. Кооператив является, следовательно, организацией анархического хозяйства, иначе говоря, в кооперативе осуществляется, — в принципе, — самый высокий социальный идеал.

АПРЕЛЬ, 1920 г.

1920, источник: [здесь](#). Газета «ПОЧИН», Анархо-Кооперативный Листок. № 4, апр, с. 2–3.

Кооперация, как практический путь к анархизму

Беседа с П.А. Кропоткиным

(Нижеприводимые строки просмотрены и исправлены П. А. К.).

Определение, которое дал кооперации Элизе Реклю („Кооперация — научная практика взаимной помощи“) заслуживает особого внимания. Оно указывает на все практическое значение кооперации в успешном разрешении общественных задач.

Как-то в период подъема социальной волны, в 1886–88 гг., в Англии я завтракал у кооператоров О-ва Оптовых Закупок в Манчестере и спросил их: „А что, господа, если бы коммуна, объявленная в Манчестере, предложила вам взять на себя кормление Манчестера и снабжение его всем необходимым, сколько времени потребовалось бы вам для того, чтобы организовать подвоз каждое утро и к каждому дому всего нужного из пищи, а также и уголь?“ — „А кто будет платить?“ — спросили меня. — „Ну, скажем, коммуна города Манчестера“.

Вопрос заинтересовал их настолько, что трое или четверо из них сели за особый стол и стали серьезно обсуждать. Через минут десять они вынесли ответ: — „Больше 12 дней не возьмет, быть может, недели две“.

Такой ответ могли дать только люди, научно уверенные в своих технических силах для разрешения конкретной общественной задачи — распределения продуктов в целом большом городе.

* * *

Столь же большую роль кооперация призвана играть в деле организации производства.

Вопреки уверениям поклонников капиталистической централизации, промышленность и земледелие тяготеют к все возрастающей технической децентрализации и к объединению мелких производителей на кооперативных началах для организации производства, закупок машин, сырья и сбыта продуктов.

В области децентрализации промышленности особенные успехи сделали Париж, Варшава и отчасти Вена.

Что касается земледелия, то оказалось, что в Германии мелкие трудовые хозяйства, по сравнительной производительности превзошли крупные капиталистические сельскохозяйственные предприятия.

Понятно почему. Мишле дал чудное описание, как крестьянин в воскресный день обходит свое хозяйство, и показал в художественной форме тесную духовную связь сельского производителя с землей.

Несмотря на увлечение государственных социалистов мнимой неизбежностью капиталистической централизации, машина не поглотила человеческую личность. Напротив, децентрализация промышленности и стойкость крестьянского хозяйства сопровождаются техническими усовершенствованиями и показывают, что и в хозяйственном отношении человеческая личность способна развиваться, не подпадая под власть машины.

В дальнейшем развитии крестьянского хозяйства большую роль сыграет распространение тракторов. Сравнительно недорогие, легкие и удобно перевозимые, они дают возможность применять машинную силу к мелкому земледелию. Вместе с тем тракторы объединяют крестьян на кооперативных началах, так как при современных условиях каждому отдельному крестьянину не под силу иметь свой особый трактор.

* * *

Несмотря на общую децентрализацию производства, тем не менее в некоторых отраслях добывающей промышленности и общественных служб, как например, при добыче каменного угля и в железнодорожном деле, нам придется, по-видимому, пройти через стадию национализаций.

То, что у нас производится огульно с плачевными результатами, в Англии тоже стоит в порядке дня. Национализация угольных копей и железных дорог в Англии — вопрос ближайшего будущего.

Национализация имеет, однако, особенно крупную отрицательную сторону. Она ведет к вооруженному столкновению между государствами. Тяготение Англии к кавказскому нефтепромышленному району способно столкнуться с национальными расчетами В.С.Н.Х. Советской России.

Международные конфликты могут быть предупреждены непосредственным кооперативным объединением потребителей разных стран с производительными союзами самих рабочих, помимо государственной власти.

* * *

Поднятый вами в „Почине“ вопрос о передаче эмиссионного права кооперации заслуживает большого внимания и обстоятельной разработки сведущими людьми. Он напоминает

„Народный Банк“ Прудона с его даровым кредитом. Глубоко вдумчивый наблюдатель жизни, Прудон предрекал направление в эволюции денег: они должны стать исключительно мерилom доверия.

* * *

Относительно вопроса о трудовой собственности, в 1881 году мы, участники и деятели I-го Интернационала в Юрской Федерации, собрались и тщательно обсуждали вопрос о крестьянском владении обрабатываемыми ими же участками и пришли единодушно к выводу, что не следует нарушать крестьянскую трудовую собственность, точно так же, как владение ремесленниками своими орудиями труда.

Социалисты-государственники, поклонники предварительного разорения крестьян через мнимо необходимую стадию пролетаризации для введения их в социалистический рай, нас за это прозвали мелкобуржуазными утопистами. Но впоследствии сами сделали уступки в этом направлении.

Теперь, благодаря поразительным успехам техники за последние десятилетия, ведущим к все большей децентрализации как в промышленности, так и в земледелии, и, в особенности, благодаря развитию кооперации, ставшей выдающимся объединяющим фактором в современной общественной жизни, всякий может судить, кто правильнее понимал нужды действительности.

Трудовую собственность мы всегда признавали. Повышая производительность труда, она нас более приближает к социализму, чем разорение мелких производителей крупной промышленностью и последующие национализации.

Подтверждаю вам сказанное мною в другом месте: человечество еще очень бедно; без большого повышения производительности труда социализм невозможен; он станет лишь равенством в нищете для всех. Теперь опыт нам показал, что государственная власть не способна организовать даже последнее.

Элизе Реклю высказал глубокую мысль: кооперация осуществляет на практике научными приемами взаимную помощь — сущность коммунистического анархизма.

Классовая борьба и кооперация

Много споров и горячих обсуждений вызвал вопрос: являются ли кооперативы классовыми или внеклассовыми организациями?

Разрешение этого вопроса имеет большое практическое значение. В первом случае кооперация должна стать средством в борьбе классов, во втором — фактором объединения классов.

Этот спор, как и обыкновенно всякие иные, легче было бы разрешить, если бы спорящие стороны вкладывали одинаковое, определенное содержание в понятия, о которых спорят.

Из всех определений, данных кооперации, одно только не обсуждалось до сих пор в литературе. Это — определение, данное Элизе Реклю. Сказанное мельком, в брошюре по иному вопросу¹, оно прошло незамеченным, а между тем это определение проливает новый свет в запутанный спор.

«Кооперация — научная практика взаимной помощи», — говорит Реклю; следовательно, она является практической, прикладной наукой, подобно медицине, агрономии, архитектуре и т.д.

Говорить о классовой науке могут лишь демагоги, изобретшие «советскую медицину», но нет сомнения, что прикладная наука приобретает тот или иной характер в зависимости от социальных условий, при которых она применяется. Средства лечения какого либо богача (капиталиста) или комиссара («ответственного работника», живущего в благоустроенном «Доме Советов»), совсем иные, чем бедняка в убогой обстановке или захудалого неквалифицированного «товарища»-рабочего.

Так и в кооперации. В зависимости от социальной среды, в которой она возникает, в соответствии с интересами класса, которые она обслуживает, кооперация принимает ту или другую форму, но сущность ее одинакова: сознательно, обдуманно научными приемами она стремится осуществить взаимную помощь между своими членами.

Определение, данное Элизе Реклю, просто разрешает и другой расплывчатый спор — о различии между кооперацией и акционерными обществами. Последние являются попросту кооперативами, обслуживающими интересы капиталистов.

Из сказанного следует, что кооперация, как прикладная наука, едина и лишь принимает ту или иную форму, в зависимости от общественных условий жизни ее участников. Отсюда вытекает и вывод: кооперация является средством в классовой борьбе.

Но что представляет из себя класс и какова сущность классовой борьбы?

Если всмотреться в историческое прошлое, то легко выяснить, что классы (касты, цехи, сословия) представляли, и продолжают представлять, профессиональные подразделения общества, обусловленные разделением труда. Борьба классов приводила всегда к господству одного или нескольких классов над остальными, т.е. к власти.

Но классовая борьба не единственный закон исторического развития. Параллельно с ним действует и другой закон, не меньшей важности, сформулированный тем же всемирно признанным ученым, Элизе Реклю, и совершенно игнорируемый не только социалистами, но и самими анархистами. Это — закон искания равновесия между классами².

Борьба классов приводила всегда к установлению более или менее устойчивого равновесия между ними. Но равновесие между классами, т.е. между профессиональными расслоениями общества, не означает еще их равноправия. Классовая борьба обостряется именно существованием неравенства в достигнутом равновесии. При постепенном повышении уровня развития человеческой личности, эта борьба тяготеет к установлению

равноправного равновесия между классами.

Очевидно, так именно и понимал классовую борьбу Бакунин, вписавший в первоначальный устав «Международного Союза Социалистической Демократии» требование общественного, политического и экономического уравнивания классов.

Утверждение, выдвигаемое социалистами-государственниками, будто после захвата политической власти промышленным пролетариатом классовая борьба прекратится, явная нелепость. Законы общественного развития, подобно законам физическим и биологическим, не прекращают своего действия. До тех пор, пока будут существовать разделение труда и последующее расслоение общества на профессиональные категории, — на классы, — борьба, в виде ли открытого столкновения между классами (гражданская война) или в форме соперничества и соревнования (классовая борьба в собственном смысле слова) будет продолжаться. В этой борьбе классы, утратившие свою общественно-полезную роль, исчезают, разлагаются и ассимилируются другими классами, или видоизменяются, приспособляясь к новым господствующим классам.

Кооперация, являясь фактором классового объединения в хозяйственном отношении, одновременно ищет пути справедливого согласования противоречивых общественных интересов в основных задачах производства, обмена, распределения народных богатств и организации общественных служб. Кооперация стремится к этому не сохранением старых форм хозяйственных взаимоотношений, а сознательным, научно продуманным исканием новых путей для осуществления основного требования этики — справедливости в равенстве. Не простая случайность, что основателями современной кооперации были предтечи социализма.

Таким образом, кооперация, с одной стороны, является организующим классовым фактором в общественной борьбе, а с другой — способствует созданию равноправного равновесия между классами, и тем ведет к устранению господства одних классов над другими, следовательно и к упразднению государственной власти.

Примечания

1. „Эволюция, революция и идеал анархизма“.
2. „Человек и земля“, т. 1, предисловие.

Собственность

Кто-то сказал, другие повторили: собственность есть кража. Но ведь столь же верно заявление: кража есть утверждение собственности.

Кто преследует кражу, кто отвергает ее, кто просто порицает ее, тот тем самым признает собственность. Социалисты-государственники, называющие себя коммунистами, сурово преследуя воров и грабителей, являются самыми ярыми защитниками всех видов собственности — частной, коллективной и государственной. Если они с особою свирепостью

расточали „высшую меру наказания (?) — расстрел“ по отношению к хищению государственной собственности, то в этом не было ничего нового — ни социалистического, ни революционного: государственная власть, монополизировав право на „правосудие“, всегда особенно ревниво оберегала свои интересы, строго преследовала казнокрадство.

Даже экспроприаторы и им сочувствующие, оправдывающие принципиально кражи и грабежи богатых и государства, но порицающие столь частые кражи между собою, — признают этим порицанием собственность.

Собственность — это глубокий, вкоренившийся в психологию человека инстинкт. Этот инстинкт нельзя уничтожить ни простой проповедью, ни упразднить декретом. Нужно понять самую сущность этого инстинкта, чтобы устранить его болезненные проявления — уничтожить необоснованное и неравномерное распределение собственности.

Инстинкт собственности зародился в течении биологического развития человека. Многочисленные зачаточные проявления этого инстинкта в животном мире мы наблюдаем и теперь.

Институт собственности возник в процессе борьбы особи и коллектива за физическое существование. Для развивающегося животного мало наесться или отдохнуть на известном месте, — оно стремится обеспечить за собой и в будущем пищу и жилище.

Институт собственности возник из предвидения. Как средство обеспечения физического существования особи или коллектива — в мере, достаточной для жизни и развития — институт собственности естествен и воистину священен. Жизнь особи и вида — высший закон природы.

Инстинкт собственности пробуждается в животном мире на разных ветвях и ступенях его развития. Собака, зарывающая лишнюю кость, птица, сгоняющая с насиженной на ночь ветки или выгоняющая из своего гнезда чужую птицу, лошадь, оберегающая свои ясли с овсом от протянутой головы другой лошади, корова, отгоняющая от пучка сочной травы другую корову, пчелы, защищающие запасы меда в своем улье от пчел-воров — все проявляют инстинкт собственности.

Обеспечить свое собственное существование и существование своей семьи в настоящем и на будущее время, вот причина возникновения и стойкости инстинкта собственности во всех слоях общества. Вследствие острой борьбы за существование, царившей и поныне господствующей в природе и в человеческом обществе, этот естественный, а потому здоровый инстинкт вырождается часто в болезненное явление — в стремление к скоплению собственности, не соответствующее самым широким нормальным потребностям данного времени и даже для будущего.

Бороться нужно не с собственностью, а с уродливыми, болезненными проявлениями инстинкта собственности. Если собственность возникла из стремления обеспечить свое существование и существование своего потомства, то устранить отклонения от этой естественной потребности можно лишь действительным обеспечением, распространением взаимного (кооперативного) страхования.

Социальное обеспечение должно сопутствовать упразднению крупной, несоразмерной частной собственности. Иначе болезненное проявление инстинкта собственности — чрезмерное скопление богатств в частных руках — неизбежно возобновится. История знает не один пример гибели латифундий и государств, опиравшихся на них. Такие крушения крупной собственности все-таки не ведут к ее равномерному распределению, к всеобщему обеспечению, к социализму.

Институт собственности нужно не упразднить — его нельзя упразднить, как нельзя уничтожить инстинкт самосохранения, надо оздоровить инстинкт собственности. Этого можно достичь не увековечением римского, так называемого „права собственности“, сводящегося на практике к праву на неограниченное скопление богатств в частных руках при необходимой поддержке государственной власти, ни захватом крупной и средней собственности организацией заинтересованных чиновников, руководимых той или другой политической партией — захватом, называемым „национализацией“, а всеобщим кооперативным страхованием.

К сведению читателей

— „Почин“ высылается всем лицам, группам и учреждениям, сделавшим соответствующий запрос в расчете на материальную поддержку по их усмотрению по мере получения последующих №№.

Для поддержания органа редакцией получено: от тов. Островского из Петрограда — 50 руб., от т. Берзентис — 50 р., от т.т. из Бологого — 50 р., от т. Н.П. 750 р., от т. П. 60 р., от т. Корсикова — 60 р., от Переяславльской группы анарх. — 150 р., от т. Кожарского — 10 р., от Неизвестного — 50 р., от т. Гольдман — 300 р., от т. Бубенцова — 100 р., от т. Ломова — 200 р., от т.т. из Бологого 175 р., от т. Лебедева — 50 р., от т.т. и сочувств. рабочих патрон. завода — 1400 р., от т. Ицковой — 500 р., от т. Лисимах — 25 р., от т. Модина 200 р. Спасибо всем.

Запросы, материалы и деньги просим высылать по адресу:

МОСКВА, 1-й Дом Советов, комн. 219.

Тов. А.А. Карелину.

ИЮЛЬ, 1920 г.

1920, источник: [здесь](#). Газета «ПОЧИН», Кооперация. — Синдикализм. — Этика. № 7., июль, с. 1-2.

Внутренний товарообмен

Современная Россия, подобно Дантовскому аду, вымощена благими намерениями своих правителей. Несмотря на все наше отрицательное отношение ко всякой государственной власти, мы ни минуты не сомневаемся, что в основе всей продовольственной политики правительства, которой подчинен внутренний товарообмен, лежит желание блага народу. Но одного желания мало, нужно уметь творить добро.

Нас, анархистов, менее всего можно заподозрить в мягком отношении к частной скупнической торговле. Всякая торговля, не имеющая целью прямое потребление, есть спекуляция.

Вся разница между кооперативной торговлей и частной, капиталистической, заключается в том, что первая имеет в виду непосредственное снабжение своих членов по себестоимости, а не вольный рынок, рассчитанный на спрос и предложение для определения цен.

Если порой кооперация допускала нарушение своего основного начала — снабжать только своих членов, — и вступала на путь частной торговли, то это говорит против искажения кооперации, а не против нее самой.

Кооперация — единственный, на деле с успехом испытанный путь к социализации товарообмена. Государственный продовольственный аппарат достаточно доказал свою непригодность в задачах правильного товарообмена и справедливого распределения продуктов. При полном обесценении кредитных денег, — являющемся не следствием революционности, как льстит себе наркомфин, а игнорирования законов политической экономии, — наше продовольственное дело зиждется на прямой и косвенной натурализации налогов. „Твердые цены“, — по существу, те же, плохо замаскированные налоги. Что государственный аппарат может при этой системе кое-что раздобыть для населения, и в особенности для своих чиновников, в этом нет сомнения. Но чтобы он мог хорошо и полностью удовлетворять насущные потребности народа, последнее более чем сомнительно.

Государство всегда было не только плохим хозяином, но еще худшим из торговцев.

Возлагать надежды на постепенное приобретение опыта и улучшение системы — недопустимо. Нельзя населению питаться с перерывами или безнаказанно недоедать в течение продолжительного времени.

Недаром председатель Московского Совета предупреждал своих товарищей по власти, что если они строго проведут запрещение частного товарообмена, то смертность повысится. Жаль только, что он не выяснил, насколько вымирание народа усилилось благодаря даже половинчатому мероприятию по проведению монополии на нормированные продукты.

Это за него сделал другой.

По результатам работ одного санитарного врача оказывается, что во Владимирской губернии идет вымирание населения, главным образом городов: смертность превышает рождаемость на 11%. Эти результаты были доложены губернскому съезду врачей, имевшему место в начале июня т.г.

Не лучше ли было бы доучиться у немцев, выдумавших государственное снабжение населения? Во время своего хозяйничания на Украине они не отбирали у жителей нормированные продукты, как это делают наши заградительные отряды, а лишь выписывали их из продовольственных списков на соответствующий срок.

Если государственный аппарат не в состоянии снабжать население даже минимальным количеством таких продуктов первой необходимости, как жиры и белки, — оно на самом деле так и есть, — то почему не предоставить населению самому снабжаться у производителей-крестьян, в отдельности или на кооперативных началах, списав соответствующих лиц из продовольственных планов? Быть может тогда продовольственных запасов государства хватит на лучшее снабжение не только „ответственных работников“, командированных служащих или иностранных гостей, но и больниц, богаделен, инвалидов и иных беспомощных элементов населения.

Что касается до продуктов личного и семейного производства крестьян и ремесленников, то только благодаря затмению социалистического сознания можно было дойти до запрета трудящимся свободно сбывать плоды своих собственных трудов. Не надо забывать, что подавляющая масса населения России живет семейным и личным сельско-хозяйственным и ремесленным трудом.

Кто знаком с экономическими исследованиями П.А. Кропоткина, тот должен более чем усомниться, чтобы централизация производства являлась признаком прогресса. Эта централизация нужна была капитализму для эксплуатации народных масс. Раз этот мотив отсутствует в крестьянском и ремесленном быту, то прогресс должен идти путем технического усовершенствования децентрализованного производства, а не государственным субсидированием искусственных объединений, называемых „коммунами“, притом же дающих на деле плачевные результаты.

Стремление к объединению среди крестьянства и ремесленников проявлялось и раньше, помимо государственной власти, в более практических формах земледельческих и кустарных кооперативов сбыта и закупок.

При свободных общественных порядках, при отсутствии власти, нет сомнения, что кооперативный товарообмен вытеснит частную торговлю.

К сожалению, Россия слишком темная и безвольная страна, чтобы, если не вполне освободиться от власти, то хотя бы ограничить ее произвол, мешающий социализации товарообмена в кооперативных формах.

Поймут ли всю свою пагубную роль в деле товарообмена наши заправилы власти, превратившие Россию своими благими намерениями в сущий ад?

Этика и право

„Право вытекает из жизни“, говорят юристы и садятся глубокомысленно изучать законы. А на деле законы, обязательные для всех, пишут не ученые исследователи жизни и даже не всегда юристы, а власть предержащие, т.е. люди, располагающие грубой силой для подчинения своей воле других.

В силу основного сходства приемов управления всех видов власти, в каждом государстве скапливается невероятное количество законов разных режимов.

Старый свод законов Российской Империи состоит из 18 объемистых томов, содержащих в общей сложности свыше 20.000 страниц: на одно автоматическое прочтение их понадобились бы месяцы. Советская власть не только не отменила формально все эти законы в целом, но и утвердила значительную их часть с некоторыми оговорками (судебн. устав 1864 г. — декретом о Суде от 2 февраля 1918 г.). Если многие из царских законов и упразднены Временным Правительством и Советской Властью, то их с лихвой заменили новые законы, декреты и постановления.

„Никто не может отговориться незнанием закона“, — таково одно из основных положений права.

Почему? где тут логическая предпосылка?

Предположив даже, что свод законов отпечатан в достаточном количестве экземпляров, чтобы стать доступным всем, каким образом может знать все законы малограмотный и неграмотный в общей массе народ, вдобавок еще обремененный повседневным трудом?

И с этим явно лишенным здравого смысла положением примиряются все ученые юристы, а органы власти, даже социалистической, неуклонно придерживаются его.

Тут причина не правовая, и не логическая, а чисто практическая: без этого нелепого предположения государственная власть не могла бы претендовать на подчинение всех своим законам, следовательно, она не могла бы и существовать. Оно же показывает, каким несущественным наслоением является в народной жизни устанавливаемое государственной властью „право“. Если бы, по выражению поэта-анархиста, нашелся бы „честный вор“ и украл бы в один прекрасный день все законы, то „ученые“ юристы и „мудрые“ законодатели с изумлением убедились бы, что общественные устои не рушатся, а простой „темный“ народ даже не догадался бы об этой краже.

Одного мальчика на экзамене священник спросил: „Что случилось бы с людьми, если бы не существовало десяти заповедей Моисея?“

Озадаченный в первую минуту мальчуган с детским лукавством быстро сообразил: „Люди стали бы убивать друг друга, обкрадывать, завидовать, поклоняться многим богам-идолам и т.д.“.

Батюшка остался очень доволен, мальчик получил высший бал.

Не этот ли самый, по-детски упрощенный вывод делают все законодатели?

Уж одно то, что нет никакой материальной возможности знать каждому человеку все государственные законы и постоянно помнить их, чтобы сообразоваться с ними в своем повседневном поведении, ясно как день показывает, что не внешние законы руководят людьми в их взаимоотношениях, мешают им беспрестанно вредить друг другу, а иные силы.

Если бы можно было произвести подсчет тому бесконечному числу возможных убийств и краж, которые власть сама фактически не в состоянии ни предупредить, ни преследовать (особенно в деревне, где полицейская охрана почти отсутствует), с числом имеющих место преступлений этого рода, то для всех стало бы ясно, какую ничтожную роль играет государственная власть в деле охраны общественной безопасности. Очевидно, что общественный строй поддерживается не государственными, а иными законами. Это — законы, присущие самому человеку, его психо-физиологии. Изучение той части психо-физиологических явлений, которыми определяются взаимные отношения людей, составляет предмет этики или морали.

Юристы называют этические явления бытовыми отношениями и утверждают, будто „юридическое отношение — это только одна сторона бытового отношения“ (проф. Шершеневич). Но в таком случае юридическое законодательство должно было бы совпасть с соответствующим обычным правом. В действительности же наблюдается обратное: законодательство идет вразрез, насилует бытовое право. Иначе оно было бы излишне. Ведь не регулирует же закон решительно все взаимоотношения людей. Сами юристы признают это, говоря: „действие обычного права начинается там, где молчит закон“. Куда полезнее было бы для свободного общественного развития, если бы закон всегда молчал перед обычным правом!

Законы сохраняют свою силу впредь до их отмены другим законом, жизнь же безостановочное движение, влекущее за собой обычное право. Понятно, что косная по своей природе законодательная машина всегда отстает от современных ей бытовых отношений. В Англии формально сохранены еще многие средневековые законы. В России даже революционные социалистические власти не нашли ничего лучшего, как оставить в силе значительную часть царских законов.

Те законы, которые идут в ногу с бытовыми отношениями, сами по себе становятся излишними.

Другие, забегающие вперед, или, вернее, имеющие своим источником диалектическое предугадывание будущего, — в силу ограниченности человеческих знаний и, в особенности, ума самих законодателей, — вырождаются в личный и партийный произвол, в так называемый „просвещенный абсолютизм“, не менее возмутительный, чем деспотизм грубых интересов; русская история и современная печальная действительность тому свидетели.

Не г ничего, менее обоснованного, чем утверждение, будто законы действуют на обычное право, совершенствуя его. Если они не извращают свободное развитие общества, то влачатся за прогрессом, как ненужный, задерживающий балласт или, что хуже, оживляют отживающее обычное право. Так например, давно ли российское законодательство осуществляло насильственный привод жены, не желавшей жить с мужем, — этот явный пережиток тех отдаленных времен, когда женщина была объектом собственности, похищенной или купленной.

Закон, по самой своей повелительной форме, глубоко унизителен и оскорбителен для всего общества. Устанавливая ряд запрещений и обязательств, он этим самым предполагает всевозможные преступные склонности в каждом из нас. За гораздо меньшие подозрения, порочащие доброе имя, высказанные публично, люди с презрением отворачиваются от оскорбителя. Законодатель же может каждого из нас заподозрить в самых отвратительных преступлениях, и это сойдет ему. Так мало развито чувство общественной чести у современного цивилизованного человека!

Упразднение всех, решительно всех принудительных законов, т.е. юридического права, устанавливаемого государственной властью, требуемое анархизмом, повлечет за собой не хаос в общественных порядках, а напротив, освободит этические, бытовые отношения от насилий, извращений и унижений со стороны государственной власти.

Этический закон труда

Рассмотрим одну из самых основных сторон бытовых явлений, — этический или моральный закон, определяющий трудовые отношения людей.

Прежде всего возникает вопрос: как определить моральный закон вообще?

„Мы должны исходить из фактов, чтобы из них вынести законы, начать с действительности, чтобы на ней вывести нравственность. И самым существенным, основным явлением нашей природы оказывается тот факт, что мы живые, чувствующие и мыслящие существа“, — говорит М. Гюйо. Наше существование, т.е. наша жизнь, нераздельное целое, поддерживаемое взаимодействием органов питания (в широком физиологическом смысле слова), чувств и мышления.

Разберем, каким образом свойства человеческого существа определяют трудовые взаимоотношения людей и в каком соотношении к ним находятся законы государственные.

Уже апостол Павел писал: „Не трудящийся не достоин пропитания“; в XX-м веке государственные социалисты высекали на своих памятниках: „Не трудящийся да не ест“

(предполагая, очевидно, вместе с апостолом, в человеке врожденную склонность к лени) и установили закон всеобщей трудовой повинности.

Что же нам говорит о труде этический закон? Для распознавания этого закона, по совету Гюйо, нужно исходить из простых фактов, прежде чем их обобщать.

Вот некоторые из этих фактов.

Перед нами здоровый и сытый ребенок, будущий человек. Он играет, беспрестанно суетится, что-то творит. Принудить его к бездействию, поставить в угол, для него большое наказание. Но вот проходят часы, ребенок проголодался, его движения вянут, он бросает игру. Ребенка накормили — он снова принимается за свою деятельность.

Тут мы наблюдаем конкретный факт: потребность в деятельности естественно вытекает из существования здорового и сытого организма.

Не то же ли самое мы наблюдаем у зрелого человека? Не отягчается ли тюремное заключение для взрослого вынужденным бездействием?

Не то же ли проявляется у животных? Не рвется ли сытый конь под седоком или в упряжи вперед?

Моральное качество, называемое ленью, не присуще здоровому организму при достаточном питании и свободном проявлении его чувствований и мышления.

Хороший хозяин, чтобы извлечь наибольшую пользу из своей рабочей скотины, заботится о корме и уходе за ней.

Расчетливый фабрикант, не будучи в состоянии без самоотречения изменить другие условия подневольного труда, старается способствовать улучшению питания и гигиенических условий быта своих рабочих, чтобы этим путем повысить производительность и извлечь наибольшие выгоды.

Деятельность такая же естественная потребность человека, как и питание. Эти две функции взаимно обуславливают одна другую.

Но не одним питанием определяется деятельность.

Игры ребенка — не бесцельные занятия, не бессмысленная суета, а стремление творить, создавать, организовывать. Ими руководит мысль, которая намечает цели для достижения. Заставьте ребенка исполнять чужие, не усвоенные им предписания в игре, у него пропадет всякая охота к ней.

Не то же ли самое наблюдается у взрослого?

Даже подневольный труд, при ясно намеченной цели, — сдельная работа, — дает большую производительность. Так конь, идущий по направлению к стойлу, ускоряет свой шаг.

Не понижается ли производительность труда, когда человеком не руководит им самим сознательная цель?

Затем, не повышается ли разве производительность при объединении умственного и ручного труда?

Всматриваясь дальше в деятельность ребенка, в его игру, мы заметим, что он никогда не играет один. Даже когда он обречен на вынужденное одиночество, то одушевляет своим воображением предметы, с которыми он возится. Игра принимает интенсивный характер увлечения, когда она происходит в обществе схожих с ним детей, его сверстников.

То, что наблюдается у ребенка, проявляется и у взрослого. Чувство, влекущее людей друг к другу, называемое общительностью, не только свойственно человеку, но и является для него насущной потребностью. Общительность оказывает большое влияние на производительность труда. „Наблюдения показывают, — говорит проф. Железнов, — что несколько человек, ведущих совместную работу, выполняют ее гораздо интенсивнее, чем при одиночном труде“.

Здоровый организм, хорошее питание, свободный выбор, воспринятая сознанием цель, добровольное взаимное объединение — вот условия, определяющие основные признаки этического закона труда.

Как мы далеки от узкого кругозора государственного законодательства, вменяющего труд в обязанность, проводимую угрозой целым рядом свирепых кар! Насколько выше юридического закона этический закон без санкции и принуждения, устанавливающий, что труд для здорового человека при свободных общественных порядках такая же потребность, как дыхание, и что он так же сближает сильных и слабых людей, как любовь кормящую грудью мать к своему ребенку.

Как прав Кропоткин, утверждающий: „Обществу, в котором труд будет свободен, нечего бояться тунеядцев“.

По причудливой иронии судьбы эти слова высечены под бюстом учителя теми же самыми руками, которые опозорили труд, вписав в государственные законы „всеобщую трудовую повинность“!

Л. Бертони о диктатуре пролетариата*

Прежнее якобинское понимание революции, состоявшее во взятии городской ратуши, следует заменить коммунистическим пониманием, выразившемся в песне:

Восстань, народ могучий!
Рабочий, овладей машиной,
Овладей землей, крестьянин.

Мы должны, следовательно, распространять идею революции, совершающей экспроприацию и вводящей прямое управление самих производителей, вместо отживающей уже идеи захвата власти и управления государством. Как нам пишет один из наших итальянских друзей, формула диктатура пролетариата есть ни что иное, как старая формула народовластия. Всё тот же демократический самообман в новом наряде. Но если даже слова диктатура и власть, пролетариат и народ, одни и те же, то какая же разница на деле? В народе о правительстве говорят: сколько ни меняй, все получается одно и то же. Так оно и есть.

Мы уже теперь имеем предвкушение диктаториальных приемов в синдикальных федерациях, централизованных до крайности и проповедующих обязательную организацию. Уже теперь заносчивость и грубость некоторых диктаторов достигают крайних размеров. Выйдя из мастерской, они раз навсегда решили, что в нее не вернуться; они чужды ей и потому они всё так решают диктаторски! Видеть это возмутительно, но пассивное отношение к своим начальникам, существовавшее при прежних хозяевах, остается то же и при новых. В самом деле, что такое обязательная организация, как не закрепощение труда и его милитаризация, а следовательно, и закрепощение всей жизни?

Наша анархистская критика оказалась, к сожалению, совершенно верной. То же самое случится и в будущем; запомним это, чтобы под предлогом объединения в один революционный фронт не забывать нашей верности, прежде всего, анархической идее.

Джиолити, отвечая несколько лет тому назад одному социалистическому депутату, сказал, что „Маркс уже сдан в архив“. И действительно, хотя все социалисты продолжали ссылаться на него, никто, в сущности, не держался его учения, которое, кстати сказать, очень трудно выразить в точности, так что Сорель даже написал, что он спрашивает себя, „в какой мере Маркс действительно коммунист“?

И вот теперь нам говорят о возрождении марксизма, что несомненно нас приведет к возобновлению прежних споров. А потому лучше сразу поставить вопрос в ясной и определенной форме, не уклоняясь в сторону из-за мелких подробностей.

Хотим ли мы установить коммунизм с государством и для государства, или же без государства и против него?

Почти все социалисты высказывались против государственного социализма, но никогда никакого другого не выставляли. Теперь нет сомнения, что в России все усилия большевистских правителей направлены к передаче государству всех отраслей жизни. В писаниях русских диктаторов нередко находишь подтверждение того, что всякий ожидал, — того, что писал Прудон: „...боязнь народа болезнь всех тех, кто стоит у власти; для правительства его враг — народ“. Под предлогом, что народ бессознателен, невежествен, эгоистичен, легко увлекается и поддается обману, большевистской властью постоянно провозглашается необходимость всё большей власти, управления и государственного контроля, при полном подчинении диктатора-пролетария — точно так же, как говорилось в демократии о суверенном гражданине.

Мы, конечно, не думаем утверждать, что масса не могла ошибаться в то время, когда она обучается свободе, неопытность и дух подчиненности могут становиться источниками вредного ей саботажа; но мы знаем также, что под предлогом устранения одного зла правительство всегда создает другое зло, еще большее. Каким же чудом может избежать этого пролетарская власть? Некоторые ученые исторические материалисты просто-напросто забывают приложить к самим себе свое учение. Мало того, тогда как некоторые буржуа признаются, что власть развращает людей, большевики утверждают, что они совершенствуются, оставаясь во власти. Но мы относимся более чем скептически к этому утверждению.

В конце концов, большевизм хочет, чтобы собственность, управление, ее эксплуатация и вся власть принадлежали государству. Правда, что иногда высказывается предположение, что это государство будет совсем не похоже на буржуазное. Но вековой опыт не доказал ли нам, что те же учреждения постоянно вновь возрождаются, потому что государству всегда предоставляется восстанавливать порядок? А потому мы вправе утверждать, что если ему еще раз поручат эту роль, то крупные перемены, совершенные сначала, будут изо дня в день сводиться на нет.

Революция еще раз потерпит крушение. Если действительно социализм, как это утверждают, есть ни что иное, как экономическая централизация, то такая централизация неизбежно приведет к централизации политической, с ее полицией, армией, бюрократией, судом и т.д. А если останется государство, то останется и капитализм. И мы тогда получим не коммунизм, а государственный капитализм.

Зная это, мы предпочитаем всегда направлять нашу пропаганду против всякой формы власти и эксплуатации.

* Выдержка из статьи Л. Бертони „О современной роли анархизма“, напечатанной в № „Le Reveil“ от 14 февраля т.г.

Революционная тактика анархизма.

Существуют две, на первый взгляд взаимно исключающие, тактики по отношению к общественному развитию. Это, с одной стороны, мирная тактика постепенного развития, а с другой — революционная, — тактика быстрых насильственных изменений.

Мировая война и последовавший за ней „великий опыт“, предпринятый государственными социалистами-большевиками на обширной территории Российской Империи, вызвали такую глубокую хозяйственную и моральную разруху, что невольно возникает вопрос: правильно ли были поставлены и разрешены тактические вопросы не только мирными обновленцами, но и проповедниками социальной революции?

Прежде всего следует отметить, что мировая война вспыхнула не вследствие разрушительной проповеди ужасных „подрывателей общественных устоев“, а именно в течение той мирной эволюции, которую всегда расхваливали сторонники „порядка“ и

„постепенного прогресса“.

Всякий мало-мальски мыслящий и искренний мирный обновленец, оглядываясь на все ужасы мировой бойни, должен тоже признаться, что к этому привела эволюция государственного, капиталистического строя.

Но что должны думать и чувствовать мы, сторонники социальной революции, наблюдая большевистский опыт? То, что в этой государственной форме социальная революция не может удасться.

После крушения надежд на мирное общественное развитие в рамках государственности, и на социальную революцию в государственных же формах, человеческая мысль невольно наталкивается на вопрос: не в самой ли сути государственной власти весь корень зла?

Скоро широким народным массам станет ясно, что оно так именно и есть.

Трудно делать предсказания даже на завтрашний день, так же как увидеть из ложбины, что находится за ближайшим холмом. Но стоит лишь подняться на высокую гору, как взор может обозреть очертания поверхности земли на большом пространстве. Так, всматриваясь в общий ход событий, можно предусмотреть, что одним из самых неожиданных последствий мировой войны и нашей своеобразной „социальной революции“, — последствие, которое наложит свой отпечаток на всё дальнейшее развитие цивилизованных стран, это будет подрыв самого начала государственной власти.

Анархистский идеал — отныне единственно возможный идеал общественного обновления. Все люди доброй воли и критической мысли скоро примкнут к нему. В такое время нам, анархистам первого часа, более чем своевременно пересмотреть предпосылки к своей тактике, чтобы не быть застигнутыми врасплох грядущими событиями, как в начале мировой войны, когда одни из нас были вовлечены отрезвляющей логикой действительности в водоворот одинаково всем нам ненавистной войны, а другие, скованные оторванной от жизни идеологией, продолжали свою бессильную и бесплодную проповедь „войны (голыми руками) войне“.

Анархистское движение, с самого своего зарождения в I-м Интернационале, усвоило эволюционное мировоззрение, установившееся тогда в естественных и общественных науках.

Эволюция, т.е. последовательное развитие, должно привести человечество к тому высокому идеалу свободной всеобщей взаимной помощи, который мы теперь называем анархистским коммунизмом.

Но тут является вопрос: почему анархистское движение, теоретически исходя из эволюции, основываясь на последовательности в развитии, практически называет себя и является революционным?

Сравнения, делаемые с явлениями природы, — с загроможденной в своем течении рекой, прорывающей преграду, с извержением вулкана, с рождением ребенка, едва ли могут считаться достаточным объяснением.

„Сравнение — не довод“, гласит французская поговорка. Сколько мощных рек испокон веков текут, не встречая препятствий, сколько извержений вулканов предупреждаются постепенным выходом газов из недр земли и, наконец, разве внезапно рождается ребенок, нужно ли ускорять естественные роды разными акушерскими приемами?

Если признать, что революция, быстрая перемена, происходит только в результате постепенных изменений, если „никакая революция не может совершиться без предшествующей ей эволюции“ (Элизе Реклю), то, строго говоря, нам нечего было бы волноваться, пришлось бы терпеливо ждать, пока завершится эволюция и естественным путем приведет к предусматриваемым внезапным переменам.

Очевидно, в такой постановке вопроса скрывается какая-то ошибка. Она заключается в том, что эволюционная теория, или теория трансформизма, появилась в противовес господствовавшей до нее теории неизменяемости видов, как живых организмов, так и физической природы, созданных якобы по раз навсегда установленному образцу.

В старом споре об эволюции и революции противопоставляются не два взаимно исключаящие понятия, а одно родовое — эволюция, другому видовому — революции. Революция представляет из себя один из видов эволюции с ускоренным темпом вперед, к прогрессу, и ей следовало бы противопоставить не эволюцию, а реакцию, тоже представляющую из себя быструю эволюцию, но в противоположную сторону, к регрессу.

Таким образом, революцию можно определить как ускоренную прогрессивную эволюцию.

Казалось бы, вопрос ясен и все сознательные, убежденные сторонники процесса должны были бы иметь общий язык, найти общее русло, по которому они шли бы в одном направлении, как течет вода в реке с различной скоростью.

На деле, что же мы наблюдаем в жизни? Необычайную противоположность взглядов и практической деятельности не только между мирными обновленцами и революционерами, но и в среде последних.

Эти разногласия проистекают не из заблуждений одних или других, но главным образом от того, что в общественном развитии, подобно тому, как в биологическом мире, нет однотипности. Большевики лишней раз доказали, — на этот раз по обдуманному расчету, так сказать, „научно“, — как можно выбить из своей колеи естественное развитие общества тем зловредным аппаратом, унаследованным от варварских веков, который называется государственной властью.

В сущности, тех же извращений естественного развития жизни, т.е. свободной эволюции, достигают и все монархические и демократические режимы. Большевизм только наглядно выявил своей прямолинейностью эту сущность государственной власти.

Если эволюция ведет не к однообразному, однотипному общественному развитию, то отсюда вытекает логическое право для каждого из нас не признавать государственную власть, имеющую якобы какие-то исторические предначертания для выполнения, в чьих бы руках эта власть ни находилась.

На деле так поступают все политические партии, пока они не у кормила правления, борясь с властью предрержащими. Но как только та или другая из них достигает власти, грубой ли силой (которую они тоже называют „революцией“), или мирными, но лживыми избирательными махинациями, то сразу меняют фронт и начинают требовать от всех безусловного подчинения своей воле, своей власти, своей программе.

Одни только анархисты усвоили научное понимание разнообразия в историческом развитии. Только анархисты не стремятся уложить безостановочное развитие человечества на Прокрустово ложе принудительных законов. Только мы не выдвигаем обязательную для своих сторонников программу, которую затем стремились бы навязать силой всем.

Это не значит, что у нас выработался общий для нас всех идеал, на котором мы все сходимся. Напротив, ни одно учение, быть может, не изобилует столь большим разнообразием разновидностей.

То, что обще всем анархистам, это — их тактика: не навязывать другим людям насильственно, принудительно своих воззрений.

Эта тактика, как мы видели, находит свое обоснование в эволюционной теории, установившей, вместе с видоизменяемостью форм, и разнообразие путей развития. Какой из возможных путей окажется лучшим, более способным повести к высшим ступеням развития, покажет уже практика, опыт.

Формы, в которые выливается медленное развитие (эволюция в тесном смысле слова) или быстрое (революция), могут быть самые разнообразные. „Иногда революции могут совершаться мирно, вследствие внезапного изменения среды и перемещения интересов“, — говорит Элизе Реклю, — точно также и эволюции в обществе могут быть чрезвычайно затруднены, сопровождаться войнами и преследованиями“.

Эти слова — не простой парадокс, они содержат глубокий смысл. Так, например, открытие огня, которое тот же ученый считает одним из важнейших моментов в развитии человечества, несомненно, оказало большее влияние на ускорение прогресса, чем все декреты революционных правительств всех стран и времен. Чествование этого события огромной важности до сих пор сохранилось в бессознательном, символическом виде зажигания лампад перед иконами.

С другой стороны, преследования, которым подвергаются анархисты в разных странах, вплоть до смертной казни, применяемой то электричеством, то гильотиной, то приставлением к стенке, разве свидетельствуют о мирных средствах эволюции?

„Иногда эволюция ведет к упадку, как и революция к смерти“, — говорит далее Элизе Реклю.

Новейшая история России дает и тому, и другому наглядный пример и поясняет их причину. Эволюция России пол спудом самодержавия привела к тому моральному упадку, в котором мы завязли ныне, а революция, под эгидой неограниченной партийной власти, повлечет народ к физическому вырождению, если в нем не найдутся достаточные живые силы, чтобы дать революции новое направление.

Как бы ни были схожи наши конечные идеалы с идеалами социалистов государственников, целая пропасть разделяет анархистов от них, и именно, в тактике, — в практических приемах, направленных к осуществлению целей.

Не навязывая никому насильственно своих взглядов, нередко простоватых, наивно упрощенных (не всем даны высокое образование и глубокий критический анализ), всякий анархист тем не менее несет с собой научно обоснованную тактическую истину.

„Но мешайте всякими принудительными законами свободному проявлению неисследованных еще до конца сил человеческой личности“, — говорит его повеление.

Так поступает крестьянин, никогда не изучавший физиологию растений, когда сеет семя, приносящее благодатную жатву.

При современном состоянии общественной науки никто не может сказать: „Я познал истину, я подчиню ей всех!“

Когда власть претендовала на происхождение от высшего разума, на божественную природу, она была последовательна и могла требовать подчинения себе всех. Но с того времени, как развенчали этот сверхъестественный источник власти, вожди политических партий, если они мало-мальски вдумчивы и искренни, должны были бы смотреть друг на друга, как древние жрецы — не без невольной улыбки.

Отрицание власти анархистским учением вытекает из лучшего понимания научной теории эволюции.

Оно же диктует нам нашу революционную тактику, не имеющую ничего общего с тактикой политических партий.

Мы сторонники естественного, свободного развития общества, а потому вынуждены насилиям государственной власти, извращающим свободную эволюцию, противопоставлять сопротивление, — вот в каком смысле мы революционеры.

Но отвлеченные понятия и теории недоступны народным массам. Простой народ движется не оторванными от практической будничной жизни идеями, а инстинктом самосохранения, личной пользой.

Где же те приемы, которые приобщили бы к нашей революционной борьбе с государственной властью вообще, а не только с той или другой формой ее организации, широкие слои населения?

Эти приемы нам дают профессиональные и кооперативные организации.

И те, и другие легко охватывают широкие народные слои именно благодаря тому, что приносят немедленную осязательную пользу своим членам, обороняя их от произвола власти и держателей привилегированной и монопольной собственности, процветающей под покровительством той же власти.

Современная задача анархистов, — говорит Кропоткин, — вдохнуть живую силу в эти оба движения, оформить, разработать, обосновать их, помочь им обратиться из орудий самозащиты в могучее орудие преобразования общества на свободных началах“.

Вот в какую сторону должна быть направлена наша массовая революционная тактика противодействия насилиям власти.

К сведению читателей

— „Почин“ высылается всем лицам, группам и учреждениям, сделавшим соответствующий запрос в расчете на материальную поддержку по их усмотрению по мере получения последующих №№.

— Для поддержания органа редакцией получено от: старого народовольца — 100 р., А.Д. — 30 р., через А.Д. — 250 р., С. — 50 р., Победимого — 100 р., Рудермана — 100 р., А.Б. — 50 р., Судогодск. Един. О-ва П-лей — 500 р., Ок. — 50 р., Аскарлова — 15 р., В — 50 р., Жукова — 30 р., ху-зета — 30 р., Астахова — 15 р., Короб. — 6 р., М. 25 р., Б.П. — 30 р.,— 10 р.,— 10 р., Аст. 12 р., Медынцева — 30 р., Буруг. — 50 р., Абрамова — 20 р., Николаева — 100 р., П. Кер. 200 р., Чеснокова Ив. 100 р., Т.П. 60 р., Котова 200 р., Короб. 20 р, Аскарлова 10 р., Князьева 100 р., Н.Б. 25 р., А. Струве 25 р., Фиш. 30 р., К. 30 р., В. Афонина 100 р., А. Алексеева 120 р., А. Шафл. 25 р., Павлова 20 р., Савенкова 30 р., Х. 10 р., К. 30 р., Новикова 30 р., И.Г. Адемар 85 р., Босяка 200 р., Аносова 528 р., Х. 70 р., Виноградова 25 р., от розничной продажи т. А.С. 2220 р. Спасибо всем.

Запросы, материалы и деньги просим высылать по адресу:

МОСКВА, 1-й Дом Советов, комн. 219.
Тов. А.А. Карелину.

СЕНТЯБРЬ, 1920 г.

1920, источник: [здесь](#). Газета «ПОЧИН», Кооперация. — Синдикализм. — Этика. № 9, сент., с. 1-3.

Статистика

Центральное Статистическое Управление готовится произвести всероссийскую перепись. Цель переписи — собрать материал для новой общегосударственной статистики.

Статистика — главная основа государственно-социалистического строительства. Так называемый „научный“ социализм претендует организовать общественные порядки не путем свободного определения каждым человеком своих нужд и посильным их удовлетворением собственным трудом, объединив по мере надобности свою деятельность с деятельностью других людей, а путем государственной централизации. Власть, сосредоточенная в руках центральных хозяйственных органов, сама решает, что производить и в каком количестве, что куда перевезти и как распределять для удовлетворения нужд как своих органов управления, так и населения.

Понятно, что при такой системе центральные хозяйственные органы, без необыкновенно точной и своевременной осведомленности, не могут принять никаких мер, не наделав массу неисправимых ошибок, которые тяжело отзовутся на народной жизни.

В государственно-коммунистическом строе статистика призвана играть преобладающую роль в решениях власти. Проблема власти, потеряв свое обоснование в „божьем промысле“ и „народной воле“, стремится опереться на науку.

Но нет заблуждения более пагубного, чем вера, осененная ореолом научности.

Уж не говоря о том, что статистическому учету не поддается вся обширная область духовной жизни людей, — их вкусы и привычки, определяющие характер производства, степень и формы их общительности, влияющие на продуктивность труда, — статистика бессильна разрешить даже чисто экономические задачи.

Дело в том, что статистика устанавливает данные, относящиеся всегда к прошлому. Если всеобщие переписи производятся в сравнительно короткий срок, то разработка собранных материалов берет долгие годы. Общественная статистика всегда отстает от жизни. Предположив даже, что народ, обычно предубежденный против всяких государственных затей, тем не менее даст агентам, производящим перепись, безусловно правдивые сведения, статистика все же не может стать бесспорным основанием для разумного управления народным хозяйством. Из того, что так было, не следует еще, что так есть и так будет.

Но если выводы статистики не могут служить надежным основанием для социального строительства, ее общие итоги о числе народонаселения и степени его зажиточности были широко использованы современными государствами для так называемой „науки о финансах“, т.е. искусства извлекать из народа прямыми и косвенными налогами лучшие его соки для того, чтобы питать паразитарный государственный нарост таким образом, чтобы не убить курицу, несущую золотые яйца.

Эту же роль, очевидно, суждено сыграть статистике и в современной России.

Профессиональные союзы

Что представляют из себя профессиональные союзы? Каковы причины их возникновения, их природа и роль в общественном развитии?

Уже само название показывает, что профессиональные союзы являются объединениями по разряду занятий, по характеру труда.

Профессии или ремесла зародились из разделения труда. Разделение труда возникло на самых низших ступенях общественного развития человека. Оно наблюдается и в животном мире, как например, у муравьев и пчел.

Разделение труда расслоило первобытное человеческое стадо на классы, касты, цехи, — на разряды людей, занимающихся однородным ремеслом. Общность интересов людей одного и того же расслоения навела их на путь объединения для взаимной помощи в борьбе за существование.

Беглый взгляд на историю уже показывает, что в процессе борьбы классов господство, т.е. власть, всегда принадлежало классам, объединенным в касты, цехи, ремесленные корпорации, — этим разновидностям профессиональных союзов, — сосредоточенным преимущественно в населенных центрах, в городах, а не земледельцам, рассеянным в деревнях.

В результате этой борьбы классов, т.е. общественных профессиональных расслоений, выработалось особое ремесло и соответствующий класс, приспособленный к технике управления для осуществления господства одних классов над другими. Это — бюрократия.

Умение и знание, даже для организации насилия, не даются сразу. По этой причине всякая новая власть, даже власть, возникшая революционным путем, в силу необходимости пользуется старым бюрократическим аппаратом, его составом, его формами, его приемами. Поразительно яркий пример в этом отношении представляем октябрьская революция, восстановившая под новыми названиями все старые формы правительственной системы со всеми их организационными и моральными дефектами.

Бюрократия тоже представляет из себя особую, порой самодовлеющую классовую силу, и всякой власти приходится с ней считаться, входить с ней в компромиссы, приспособляться к ней.

В процессе борьбы профессиональных расслоений общества между собой зародилось еще одно искусство, одна особая профессия. Это умение завладеть властью и удержать ее для обеспечения господства за теми или другими общественными расслоениями. Эта особая профессия называется политикой и соответствующие профессиональные объединения — политическими партиями. Зомбарт описал это ремесло под названием „политика, как профессия“ и дал его яркую характеристику.

Политические партии, достигшие власти, подобно бюрократии, тоже стремятся в свою очередь стать самодовлеющей силой и направлять по своему усмотрению, приспособлять к своим силам те самые профессиональные расслоения, на которые они опирались для захвата и удержания власти.

Так, современная неограниченная партийная власть и силу необходимости считается с профессиональными союзами промышленных рабочих, но вместе с тем тщательно и бесцеремонно „обрабатывает“ их, приспособляя к своим партийным видам и к своей государственно-капиталистической идеологии.

Таким образом, борьба классов, возникшая в результате технического разделения труда, сама тоже выработала два новых вида профессиональных организаций: бюрократию и политические партии.

Эти элементарные данные нам, анархистам, следует твердо помнить. Вступая как самостоятельное течение в борьбу классов, мы должны знать технику этой борьбы, чтобы стать реальной силой и достичь практических успехов.

Подобно политическим партиям, мы должны опираться на профессиональные организации, но не для того, чтобы претендовать на упразднение основного закона исторического развития — соревнования и борьбы их между собой, и не для того, чтобы способствовать установлению господства — власти — одних слоев населения над другими, а для установления, по другому основному закону истории, равновесия между ними. Господство не есть необходимый результат борьбы, поэтому равновесие, к которому мы стремимся, будет покоиться не на власти, — предмету вождельений всех политических партий, а на равноправии, несовместимом с господством, на анархии.

Равноправное равновесие между классами не может быть достигнуто ни сохранением их прошлых взаимоотношений твердой властью, ни разжиганием противоречий их интересов гражданской войной, а лишь видоизменением классов, устранением из них отживающих паразитарных наслоений (к таковым относятся бюрократия и политические партии), их оздоровлением.

Результаты всякой борьбы определяются не пожеланиями, а реальным соотношением сил. Силу же составляет не столько число, сколько организованность. Анархо-синдикализм нащупал твердую почву для своей деятельности, но делает одно важное упущение. Нельзя классы рассматривать, как застывшие формы и борьба классов в цивилизованном обществе, стремящемся к сознательному отношению к стихийным силам развития, должна иметь целью не их взаимное упразднение, а выделение полезных слоев всех классов, как господствовавших, так и подвластных, и их соединение в одно здоровое равноправное

общество.

Здоровое равноправное равновесие в обществе может быть достигнуто только при организации в профессиональные союзы не только городского населения, но и деревни. Распространение грамотности и развитие путей сообщений сделали осуществимым то, чему препятствовали в прошлом разреженность в пространстве: организацию деревенского населения.

Эта организация в хозяйственном отношении, в кооперативных фермах, быстрым ходом продвинулась вперед. Временно разрушенная в России, она легко восстановится при более благоприятной политической обстановке. За хозяйственной организацией деревни должна последовать и политическая, — организация профессиональных крестьянских объединений для защиты их прав.

Если в октябре идеологи преимущественно крестьянских интересов, этой подавляющей части населения страны, социалисты-революционеры, были побиты социал-демократами большевиками, то это произошло потому, что крестьянство не было достаточно организовано в профессиональном отношении.

Если в результате этого поражения, власть, опирающаяся на городские организованные рабочие слои, распоряжается в деревне, как в завоеванной стране, бесцеремонно отбирает по „твердым ценам“ продукты, а промышленным рабочим не назначает „твердых заработков“, напротив, предупредительно повышает широкими размахами ставки труда (все же не поспевая за ростом дороговизны), или раздает им кое-какие продукты, которыми наделяют крестьян лишь в теории, то опять-таки это происходит от недостаточной организованности крестьян для ограждения своих прав.

Работа в организованных профессиональных союзах и объединение в союзы неорганизованные еще профессиональные расслоения, — вот та почва, на которой анархистская проповедь может дать плодоносные ростки.

Производительность труда

Из всех затруднений октябрьской революции падение производительности труда едва ли не является самым главным. Частный капитализм справлялся с этим затруднением, применяя единоличное управление. После двух лет бесплодных попыток установить рабочее управление государственными предприятиями, власть-хозяин пошла в Каноссу единоличного управления.

Частный капитализм и государственный социализм вынуждены прибегать к принудительным приемам в руководстве производством, так как и тот, и другой равным образом игнорируют самый основной фактор, определяющий производительность труда, а именно, психологию самого трудящегося, душу рабочего.

Труд не может дать наибольшую производительность, если он подневолен (нуждой — при капиталистических порядках, трудовой повинностью по определению высших органов

народного хозяйства — в практике государственного социализма).

Труд не может дать наибольшую производительность, если он однообразен и длителен. Поднять производительность труда нужно не сокращением или удлинением рабочего дня, а разнообразием труда.

Эти простые истины давно были выяснены „утопистами“ социализма, но поспешно сданы в архив „научными“ социалистами при практическом проведении своих программ, т.к. они не совместимы с их системой власти.

Из трех существующих форм коллективного производства — частно-капиталистического, государственно-капиталистического (социалистического) и артельного (кооперативного), только последняя способна удовлетворять требованию наименьшей непроизводительной траты сил и времени.

К сожалению, захват средств производства частными капиталистами и государственной властью не оставили достаточный простор для развития артельного производства в крупные промышленные объединения. Но по тому успеху, с каким борются мелкие артели и кустарное производство, порой с далеко не усовершенствованными средствами, с крупной капиталистической промышленностью, мы можем уже судить, какие блестящие результаты даст производительная кооперация при своем дальнейшем развитии.

Секрет этого успеха заключается в том, что мелкая собственность в промышленности, как и в земледелии, дает наиболее благоприятные психологические условия для поднятия производительности труда и тем устраняет бесплодную трату времени и материалов вольным и невольным саботажем, неизбежным при раздвоении труда и капитала.

Производительная кооперация устраняет противоположность интересов между работодателем (частным капиталистом или государством) и рабочим, она сливает эти интересы вместе.

Шарль Жид вполне правильно характеризует производительное товарищество, как путь к „прекращению борьбы между хозяином и наемным рабочим“. Эта борьба ведется в ущерб производству. Артель устраняет эту борьбу, упразднением обособленного привилегированного положения хозяина в общем труде. Артель уравнивает права организатора-распорядителя с правами всех остальных участников производства.

Что хозяйственное и духовное развитие человечества ведет — и не с нашей только эпохи, — к всеобщей солидарности, к всеобщей взаимной помощи, к коммунизму, в этом нет сомнения. Но нет сомнения также, что путь к идеалу идет через этапы.

Мы, анархисты, недостаточно связываем наш идеал с данными действительности. Социалисты-государственники вложили практическое содержание в свой идеал производства: это — государственный капитализм, регрессирующий, по мере своего утверждения, до крепостничества, до трудовых и натуральных повинностей.

Кто-то заметил, что „Капитал“ Маркса является больше теорией капитализма, чем социализма. Такое противопоставление государственного социализма капитализму неправильно. Государственный социализм, это — высшая степень развития крупного капитализма. Об этом свидетельствует как ее теория, так и практика.

Из какой же существующей формы производства должны исходить мы, анархисты, для практического воплощения свободного социализма, устраняющего источник эксплуатации — наемный труд, и объединяющий в одних руках труд и капитал? Такой формой является производительная артель.

Но мы, далеко заглядывая вперед, сплошь и рядом оставляем в тени эту практическую основу анархизма и витаем в области расплывчатых форм производства „коммуной“ и прямого наивного коммунистического потребления.

Мы совершенно упускаем из виду, что непосредственное коммунистическое производство и потребление не вяжутся с психологией современного человека, — с этим мы должны считаться, — и, в особенности, с существующим рядом и неустранимым мелким индивидуальным и семейным ремесленным и земледельческим производством.

Причина того, что мы не уделили должное внимание трудовой кооперативной артели, заключается в том, что последняя плохо поддавалась формам технически усовершенствованного централизованного производства. Но современные успехи техники, изученные Кропоткиным под названием „децентрализации промышленности“, открывают широкие перспективы для технического развития народной артели. Невзирая на это, если бы даже не все усовершенствования техники были бы применимы в артельных формах производства немедленно, при данной ступени общительности людей, то мы должны сказать: тем хуже для техники. Мы не должны упускать из виду, что только капитализм (частный или государственный) может смотреть на трудящихся, как на орудие производства, как на „рабов машины“, мы же, сторонники свободного социализма, не можем упускать из виду, что производство для человека, а не человек для производства. Давно Платон преподал совет: занимаясь промыслом, „мы не должны пренебрегать тем, ради чего богатства существуют, т.е. нашей душой и нашим телом“ (цит. проф. Л. Хэней).

Система наемного труда (частно-капиталистического или государственно-социалистического, безразлично) представляет из себя самую нерациональную, самую небережливую систему производства, т.к. в случае оплаты труда по времени страдает интенсивность производства, в случае же сдельной работы — качество продукта. Таким образом, разрешение практической задачи политической экономии — удовлетворять потребности людей с наименьшей непроизводительной тратой сил — находится в зависимости от упразднения наемного труда во всех его видах, а это последнее возможно не отвлеченным отрицанием права собственности, а объединением капитала и труда в одних руках.

Жизнь уже выработала формы коллективного кооперативного владения средствами товарообмена и производства, а мы, анархисты, все мечтаем о всемирном коммунизме, упуская из виду различные ступени развития разных народов и забывая, что путь к идеалу лежит через трезвую действительность. Чтобы стать практичным, анархизм должен

открыто, ясно признать право коллективной кооперативной собственности.

На западе общественное развитие уже далеко пошло вперед по кооперативному пути. Анархистское движение отстает от современной жизни или забегает вперед вместо того, чтобы сопутствовать ей и способствовать более успешному развитию.

Только став на почву признания кооперативного владения средствами производства, наша проповедь упразднения монополярной частной и государственной собственности приобретет реальное, практическое основание и будет легко понята и воспринята народными массами.

Кооперативная собственность не конечный идеал, а практически необходимый этап для поднятия производительности труда и создания довольства для всех, этого необходимого условия коммунизма.

Для того чтобы рука трудящегося не оскудела, чтобы каждый получал по своим потребностям, нужно, чтобы у производителя было в изобилии что давать.

К сведению читателей

— «Почин» высылается всем лицам, группам и учреждениям, сделавшим соответствующий запрос, в расчете на материальную поддержку по их усмотрению по мере получения последующих №№.

— Для поддержание органа редакцией получено от: Владимирских товар. 2000 р., Теплова 60 р., Кожарского 300 р., Демидова 100 р., Лисимаха 50 р., Город-Белого 100 р., Олонецк. Фед. Анар. 100 р., № № О. К. 100 р., служащ. и рабоч. Капсюльн. Зав. 2900 р., через них же от прод. „Почина“ 1070 р., Смолен. Отдел. В.Ф.А.К. 700 р., Смирнова 200 р., Гришанова 500 р., Астахова 500 р., Модина 500 р.. Хивинцева 200 р., Бродова 30 р., из Гомеля 170 р. и Юного Бунтаря 30 р. Спасибо всем.

Запросы, материалы и деньги просим высылать по адресу:

МОСКВА, 1-й Дом Советов, комн. 219.

Тов. А.А. Карелину.

МАРТ-АПРЕЛЬ, 1922 г.

1922, источник: [здесь](#). Газета «ПОЧИН», Кооперация. — Синдикализм. — Этика. № 4/5, 2 серия, март-апр., с. 14-15.

„Революционная законность“

Уже несколько месяцев в советской печати идет обсуждение вопроса о „революционной законности“ и, понятно, торжествует законность, как в нравоучительных романах — добродетель. Но, к сожалению, в данном споре законность буквально торжествует над добродетелью — над „революционным сознанием или совестью“.

Казалось бы, о чем тут спорить: кто признает власть, тот беспрекословно должен исполнять и все ее веления. Но дело в том, что „революционное сознание или совесть“ тоже нашло свое законное выражение в декрете № 1 о народном суде, а так как совесть ужасная анархистка, пренебрегающая всякими государственными нормами, то отсюда и спор между защитниками твердых законов и сторонниками непреклонной совести.

Этот спор, несмотря на свою кажущуюся новизну, имеет свой прецедент, как выражаются правоведаы, в буржуазной судебной практике. Если не ошибаюсь (я не юрист), по старым законам тоже мировым судьям предоставлялось право выносить постановления, руководствуясь не только буквой закона, но и голосом своей совести. По-видимому, на основании какой-нибудь подобной „неосторожной“ оговорки законодателя, во Франции, в 90-х годах прошлого века, мировой судья местечка Шато-Тьерри по имени Маньян стал выносить приговоры по человеческой совести, чем вызвал переполох в буржуазной печати. Помнится такой случай: перед судом Маньяна предстала женщина, вдова, мать 4-х детей, без средств, за кражу хлеба у булочника. Судья, подробно обосновав свой приговор, нашел, что общество обязано доставлять пропитание всем своим членам, а потому вынес ей оправдательный приговор.

Буржуазная печать заволновалась, завопила о скандале, о нарушении незыблемости законов, о подрыве основ общества. В результате нескольких подобных решений дел по совести Маньян был отставлен от должности.

Вспоминается мне и другой случай, но уже из моей собственной судебно-медицинской практики. Дело происходило лет двадцать с лишним тому назад в Болгарии. Старшина одной затерянной в Балканах деревушки донес властям, что какая-то пришлая неизвестно откуда женщина разрешилась от бремени и удушила ребенка. Командировали следователя для производства дознания. Следователь пригласил меня, как исполнявшего должность околийского (уездного) врача в качестве эксперта. Роженицу мы нашли на окраине деревни в полуразрушенной хижине, у которой одна стена совершенно обвалилась, — за занавеской из каких-то отрепьев. Трое детишек в возрасте от 6 до 10 лет, как спугнутые зверьки,

тревожно разглядывали нас, прячась и выглядывая из-за угла строения. Женщина лежала на земляном полу, рядом — трупик младенца, едва прикрытый какой-то тряпкой. Вся утварь этой семьи состояла из деревянного корытца для теста и глиняного кувшина.

Впечатление было настолько потрясающим, что, когда во время вскрытия я стал умалчивать очевидные признаки убийства, чтобы представить дело в виде естественной смерти плода во время родов, при отсутствии надлежащей помощи, то следователь явно поддакивал мне и искренно был рад представившейся возможности прекратить дело.

Итак, к одному преступлению прибавилось еще два: укрывательство с моей стороны и потворство укрывательству со стороны следователя.

Другого пути не было для спасения нашей совести от законности — для того, чтобы государственное правосудие не отняло у детей более несчастную, чем преступную мать.

Теперь, когда читаешь объяснение автора декрета № 1 о революционном правосознании П. Стучки, что „мы это сделали“ (т.е. писали декрет) „по необходимости, но мы никогда не объявили это правосознание некоторым таинственным источником правды и справедливости“ [Изв. В.Ц.И.К. № 68 (1057) от 25/III 22 г.], то невольно страшно становится за правду и справедливость перед законностью, даже с прилагательным „революционная“.

И все-таки сторонники „революционной законности“ правы. Маньяны — исключение, и совесть судей по назначению, даже по выбору, — если этот выбор не производится самими тяжущимися сторонами, как в третейских судах, — куда как эластична, или тупа. Строгое соблюдение законов, без сомнения, предпочтительнее. Если законы не противоречат совести, как это случается иногда, то легче бывает добиться справедливости; в противном случае, определенно зная, откуда и какая грозит опасность, человек лучше может оградить от государственного правосудия свои интересы и свою совесть, как это мы сделали со следователем, умело обойдя закон.

Только не надо обманываться: законность, даже в сочетании со словом „революция“, не всегда совместима с совестью и справедливостью. Суд может стать неизменно правым, скорым и дешевым лишь в том случае, если он третейский, если он выбран самими тяжущимися сторонами. Но в таком случае он не может быть „законным“, т.е. считать своей обязанностью исполнение государственных законов.

Только отделение правосудия от государства может дать нам — не „революционную законность“, эти два понятия взаимно исключают друг друга, — а революционную справедливость.

А.А.

МАТЕРИАЛЫ

к изучению жизни и творчества

П.А. КРОПОТКИНА

Из переписки учителя*

“ Милый мой Атабек,

Благодарю вас за брошюру. Получил вчера.

Возвращаю ваше предисловие, с некоторыми замечаниями. Безусловно протестую против „ненависти к немецкому империализму“. Мы ненавидим всякий гнет. Как хорошо сказал Бурцев: „Кропоткин всю жизнь проповедовал отвечать силою на каждое насилие, конечно, не мог иначе отнестись к немецкому насилию!“ Просто и ясно. Вы забываете, что Германия вот уже 5-й год ведет войну на чужой земле, которую хотела и еще хочет завоевать в политическое и экономическое рабство.

Когда увидимся?
Пока, обнимаю вас.

П. Кропоткин.

Записка и замечания П.А. Кропоткина

к предисловию с соответствующими выдержками из последнего

Не „ненависть к германскому империализму“ (в отличие от других?), а враждебное отношение ко всем завоевательным войнам, руководит нами, когда мы утверждаем необходимость защищать права каждого народа развиваться, не обращаясь в подданного, или данника другого государства.

Вследствие этого, живя в Англии, мы протестовали против завоевательной войны, начатой англичанами в Южной Америке, войны в Тунисе, угнетения Финляндии, Польши, Кавказа Россией и т.д.

Мои товарищи, не менее пацифистов, считают войну злом; но мы считаем, что защищаться с оружием в руках от иностранного завоевателя — такой же долг революционера, как и защита — не словами, а делом — против внутренних угнетателей. Отказываясь подставить щеку под удары внутренних угнетателей, мы не видим причины, почему мы обязаны подставить ее угнетателям внешним.

Замечу еще, что разлагающая проповедь „сложенных рук“ была лучшим приглашением германским завоевателям начать эту войну; и всего успешнее повели они эту войну там, где всего усерднее подготавливали им успех проповедью непротivления. К счастью, французский народ не поддался на эту удочку, и этим он сделает войны невозможными на добрые полстолетия, если не больше.

В словах из корректуры предисловия, „для анархистов война — абсолютное зло, не могущее служить орудием освобождения человечества“, слово „освобождение“ подчеркнуто Петром Алексеевичем и к нему сделано примечание:

„Мы знаем, однако, что без внутренней войны люди не освобождаются; на толстовстве далеко не уедешь в деле освобождения от пулеметов и 6-ти дюймовок“.

Далее в предисловии сказано: „Мы не беремся подводить итоги эволюции анархистской мысли по отношению к мировой войне. Ясно одно: события в России должны были коренным образом их изменить. Теперь мы далеки от прямолинейного наивного пасифизма одних, прозванных „пораженцами“ и от безоговорочного слияния с борющимися государственными организациями других, окрещенных „оборонцами“.

Против подчеркнутых слов П.А. отметил „верно!“.

Затем в предисловии имеются следующие строки:

„Нам кажется, что результаты мировой войны ведут дальше „условий прочного мира“, подыскиваемых Гравом. Вырождение войны, признаки которого замечаются и на Западе, по видимому, ознаменует начало конца самой принудительной государственной власти и начала наступления анархистской эры в истории развития человечества“.

Против этих строк на полях П.А. отметил: „Именно благодаря поражению завоевателей. Если бы они победили, результаты были бы другие“.

Примечания

* Печатаемая здесь записка, без числа, была написана П.А. в конце 1918 года по поводу корректуры предисловия к задуманному группой „Почин“ изданию ряда переводных брошюр заграничных анархистов, отражавших их взгляды на мировую войну. Хотя коллективно составленное предисловие и было набрано и послано П.А. для просмотра, выпустить брошюры не удалось.

П.А. сделал на полях корректуры ряд замечаний, общий смысл которых он сам объединил на особом листке, кроме трех, которые могут быть поняты лишь при соответствующих местах из предисловия.

Мы воспроизводим вслед за письмецом П.А. как его записку, так и замечания с контекстами из предисловия.

ГОДОВЩИНА СМЕРТИ П.А. КРОПОТКИНА

По почину Всеросс. Общест. Комитета по увековеч. памяти П.А. Кропоткина в Москве, в годовщину его смерти, на могиле собрались почтить память тесная семья друзей и последователей. Заботами Комитета снег вокруг могилы был расчищен и могила была убрана зеленой хвоей (как известно, венки, возложенные на могилу в день похорон родными, друзьями и общественными организациями, были унесены еще в прошлом году учреждением без ведома и согласия семьи). На березе, рядом с могилой, была прикреплена дощечка с портретом П.А. Было произнесено несколько простых, душевных речей.

Вечером в большом зале Консерватории состоялось общественное собрание, организованное Комитетом. На эстраде стоял бюст П.А. работы скульптора Гинсбурга и портрет кисти художника Пастернака. Т.т. В.Н. Фигнер, А.Н. Потресов и А.А. Боровой произнесли речи, затем лучшими московскими музыкальными силами были исполнены любимые Петром Алексеевичем места из произведений русских и иностранных композиторов.

Вследствие больших расходов по организации вечера (наем помещения 10 миллионов, освещение 12 мил., за печатание афиши 12 мил., налог за расклейку 6 мил. и т.д.) входные билеты стоили сравнительно дорого.

На собрании деятели социалистических партий блистали отсутствием, но зато пришли многие кооператоры, а галерея была полна молодежью.

На вечере, и днем на могиле, присутствовали многочисленные дмитровские друзья Петра Алексеевича, приехавшие специально с этой целью в Москву.

13-го февраля в г. Дмитрове, по почину местных кооператоров и при деятельном участии т. А.В. Матвеева, в зале школы 2-ой ступени состоялся вечер, посвященный памяти Петра Алексеевича. Зал был переполнен, преимущественно учащейся молодежью и учащими.

Ученический хор спел похоронный гимн „Вы жертвою пали...“ и марш анархистов. Тов. А.А. Солонович в блестящей речи обрисовал научную и нравственную сущность учения Петра Алексеевича. Затем были рассказаны личные воспоминания о Петре Алексеевиче и прочитаны отрывки из его произведений.

Чувствовалась теплая среда взрослых и молодежи, непосредственно знавших и любящих Петра Алексеевича.

Годовщина смерти П.А. Кропоткина нашла отклик в официальной „красной“ печати лишь в воспроизводимом ниже телефонном сообщении из Петрограда „Известиям В.Ц.И.К.“ (№ от 28 февр.).

26 февраля состоялось собрание, посвященное первой годовщине со дня смерти Кропоткина. После доклада Новорусского о задачах комитета по увековечению памяти

Кропоткина и речи академика Ольденбурга о значении работы Кропоткина по географии, А.А. Шилов охарактеризовал его как революционера. Пользуясь неопубликованными материалами из III отделения и документами процесса 193, докладчик обрисовал показания рабочих, выдавших Кропоткина. Характерно донесение агента III отделения, отметившего после ареста Кропоткина рост сознательности и объединения рабочих под влиянием пропаганды Чайковцев, на котором Александр II положил резолюцию: „очень и очень грустно“. А.А. Шилов ознакомил также собрание с неопубликованной еще частью записок Кропоткина по вопросу о будущем социальном строе, о политической и социальной революции и о том, что делать на другой день после переворота.

Какая промышленность нужна России

Вот вопрос, ответ на который много лет составляет предмет самых ожесточенных споров. При этом здесь происходит невообразимая путаница, в которой очень часто „своих не познаша“, и спорящие бьют иной раз по своим идейным друзьям, неожиданно для себя оказываясь в других случаях в одном лагере с идейными противниками. Причина этого заключается прежде всего в том, что в стране слабого промышленного развития, с промышленностью, насаждавшейся многими искусственными методами на глазах у ныне живущих еще поколений, не создалось пока ясного понимания истинной роли промышленности в жизни страны и не выработалось ни настоящей промышленной буржуазии, ни пролетариата, подобного западно-европейскому. Это с необыкновенной яркостью сказалось особенно в послереволюционный период с 1917 года, когда фактически „идейной буржуазии“ в России в сущности не оказалось, а пролетариат весьма быстро „распылился“ за какие-нибудь 4 года, по неоднократно высказанному печатно и устно заключению руководителей советской власти во главе с Лениным. Это последнее, очевидно, могло совершиться только в стране, где был по существу не наследственный или „потомственный пролетарий“, а крестьянин на отхожих промыслах, вроде того „средняка“, каким является председатель В.Ц.И.К., „красный староста“ тов. Калинин.

Однако, если у нас нет сейчас ни промышленной буржуазии, ни промышленного пролетариата, ни даже фактически нет и самой промышленности, то таковая должна возродиться в тех или иных формах, чтобы мы не оказались в полном экономическом рабстве от соседей, близких и дальних. Поэтому и приходится поставить вновь вопрос: какая же промышленность нужна России, чтобы приступить к ее восстановлению и развитию наиболее планомерно? „Старая“ советская экономическая политика, в противовес объявленной „новой“, огосударствила национализацией и муниципализацией абсолютно все отрасли промышленности и в результате остановила всякую производительную деятельность до ремесленной и кустарной включительно. Последняя удостоилась даже особого внимания на выставке В.С.Н.Х. в виде плаката „Кустарь — враг народа“. Однако официальные экономисты не злопамятны и, не сняв еще с выставки этот плакат, они объявили совершенно противоположное по адресу того же кустаря, ремесленника и мелкого промышленника, создав и восстановив „Главкустпром“ и иные „кустпромы“. По мысли это, конечно, было правильно, ибо, вопреки указанной экономической политике, страна все же получала кое-какие новые изделия и товары исключительно от кустарной,

ремесленной и мелкой промышленности, хотя и преимущественно контрабандным путем.

Таков был ответ реальной жизни на кабинетные измышления новых экономистов, всеу призывавших благословение неповинного в этом их грехе К. Маркса*.

„Новая экономическая политика“, — новая, конечно, только для тех, кто не знал никакой политической экономии, — решила сохранить в своих руках главные отрасли промышленности и их крупнейшие предприятия, отдав все остальное в аренду, в концессии и т.д., только бы сбыть с рук оказавшиеся совершенно нежизнеспособными предприятия, бывшие и долженствующие снова стать живыми во всяких других руках, кроме бюрократических. Таким образом, совершив круг, государство вернулось к тому, с чего начало, но только при совершенно разрушенной промышленности. Положение печальное, но не непоправимое, если искать выхода из него не в тиши кабинетов и в партийных программах, а в самой жизни и ее уроках.

Промышленность необходима всякой стране — это очевидно; однако именно на промышленность принято смотреть как на исконного врага трудящихся масс, как на какого-то Молоха, требующего обязательно человеческих жертв в бдльших размерах, чем все другие отрасли народной деятельности. Здесь, очевидно, происходит недоразумение и результаты плохой и неправильной постановки дела относят на счет этого самого дела, т.е. промышленности. Несомненно, промышленность — сила, и очень большая, но как и всякая сила, она может быть полезной или вредной в зависимости от того, к чему, когда, как и в каких условиях она приложена. Это — наша исходная точка, и от нее мы и обратимся к выяснению поставленного в заголовке вопроса, твердо памятуя, что нет доброй и злой промышленности, а есть добрая и злая, умная и глупая и т.д. человеческая воля.

„Крупная промышленность логически должна поглотить по крайней мере мелкую, ремесленную и кустарную“, говорят одни и ратуют за „концентрацию“ производства, как более выгодную экономически и т.д. — «Только в кустарной и ремесленной домашней промышленности — спасение“, говорят другие, посылая проклятия на голову Молоха — крупной промышленности. Истина же, как обыкновенно, спокойно занимает свое положение между крайностями и заключается в том, что все виды промышленности хороши и полезны, но лишь на своем месте, в соответствии с обстановкой, не конкурируя, а сосуществуя и взаимно дополняя, помогая друг другу. Закон взаимопомощи, провозглашенный П.А. Кропоткиным для мира животных, проявляется в полном объеме в рационально поставленном народном хозяйстве между различными его отраслями, а в последних — между предприятиями и их группами, как между отдельными индивидуумами и обществами в мире животных.

Действительно, можно ли построить современный паровоз, морской гигант, мост, пресс или молот в тысячи пудов и тонн силой и т.д. в кустарной, ремесленной или мелкой мастерской? Очевидно, нет. Но нужна ли гигантская фабрика для производства хороших пуговиц, ножей, канцелярских принадлежностей, игрушек, столовой посуды, одежды и т.д.? Очевидно, также нет. Конечно, может оказаться, что тот или другой предмет массового потребления в отдельном случае более выгодно производить в огромном масштабе, но это только частный случай, не больше. В то же время ряд производств, например, велосипедное, машиностроительное, инструментальное, часовое, некоторые отрасли текстильного,

керамического и т.д. представляют комбинированный тип, производят с большей выгодой полупродукт, или детали, и пользуются кустарями, ремесленниками или мелкими предприятиями для отделки и сборки готовых деталей. Многие отбросы крупных предприятий не являются бременем для них только потому, что рядом существующие ремесленные, кустарные и мелкие предприятия освобождают их от этих отбросов, утилизируя их в переработке и использовании, невыгодных по малому масштабу для самих производящих отбросы предприятий. Вот этот-то последний тип комбинированного сосуществования предприятий подобно симбиозу в мире животных, почти совершенно пропущен современной экономической наукой, а между тем в нем заключаются многие возможности и разрешения наболевших вопросов, к обсуждению которых мы далее и обратимся.

Инженер-Экономист.

Примечания

* Нам кажется, что тут повинна вся школа государственного социализма, к которой примыкал и Карл Маркс. Гракх Бабеф задолго до наших большевиков подготовил попытку захвата власти с целью осуществить их программу. Прим. ред.

ДЕМУНИЦИПАЛИЗАЦИЯ ДОМОВЛАДЕНИЙ

Этим замысловатым иностранным словом, за произнесение которого всего год тому назад засадили бы в тюрьму как контр-революционера, называется очень простая вещь: возврат городских недвижимостей их прежним владельцам.

Втихомолку, с оглядкой, — пока возвращаются дома не больше пяти квартир, — сдаются столь шумно завоеванные октябрьские позиции.

Тогда революционной партии, еще не изведавшей искусства власти, казалось так просто произвести ту или другую коренную общественную перестройку: стоило только написать декрет и велеть государственным органам провести его в жизнь. Такое упрощенное „революционное творчество“, руками чиновников, не замедлило дать свои плоды.

Не достойно революционеров умалчивать истину: главки и центры с их бюрократическим аппаратом больше способствовали всеобщей разрухе и нищете, доведшей нас до голода, чем войны и блокада. В частности, жилищный кризис в столице, наполовину обезлюдевшей, во всяком случае не находится ни в какой связи ни с войной, ни с блокадой.

После октябрьского переворота, когда анархистская печать расходилась в десятках тысяч экземпляров, мы предупреждали власть имущих о непригодности бюрократических приемов для социальной революции. К нашему голосу не прислушались. Мало того, наш голос был

заглушён закрытием газет, не льстивших власть предрержащим.

Нас били тогда, но быть может, хоть теперь нас выслушают.

Ни демунципализация, ни даже жилищные товарищества, не разрешение жилищного вопроса. В частности, требование от последних 10% жилой площади в бесплатное распоряжение властей, без участия в расходах по домоуправлению, ведет к тому, чтобы выжать из населения бõльшие выгоды, чем получали в былые времена домохозяева. Никогда городские жилые дома не давали столь высокий процент доходности. Понятно, почему жилищные товарищества туго прививаются.

Не лучшее разрешение жилищного вопроса представляет и демунципализация. Она попросту, без убаюкивающих слов, нас возвращает к тому недоброму старому времени, когда домовладельцы выжимали из людей, живших своим трудом, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{3}$ и даже больше их заработка.

Но едва ли не худшим из всех шагов будет предположенная сдача в аренду населенных домов частным лицам (постан. Московс. Совета от 21 февраля). Это будет равносильно отдаче на откуп домовладений с жильцами, волей-неволей прикрепленных к квартирам.

Но скажут: критиковать легко; что же вы, анархисты, предлагаете взамен?

Мы никакого проекта декрета не предлагаем, своего рецепта не пишем. Мы только ставим вопрос: что станет, если власти перестанут заботиться о жилищном вопросе, если оне оставят население в покое, так сказать, на произвол судьбы?

Пойдут ли жители к бывшим домохозяевам и скажут ли им: идите и владейте домами, а попутно стригите нас в свою пользу?

Или пойдут в Жилищные Отделы и попросят снизить и снова пещись о них?

Можно усомниться и в том, и в другом.

Просто-напросто каждая семья почувствует себя хозяином занимаемой ею квартиры и станет заботиться о своем крове и уюте лучше бывших домовладельцев, заинтересованных не в удобствах жильцов, а в доходности недвижимости.

Словом, горожане приравнились бы к крестьянам, которые имеют каждый свой кров. Осуществилось бы лучшее разрешение жилищного вопроса, к которому стремилась кооперация еще при старом режиме, когда строились коллективные дома (главным образом при помощи долгосрочного кредита), в которых каждая квартира принадлежала отдельной семье.

Если огульная муниципализация домов была грубой ошибкой, — против этого никто уже не спорит, — то ныне начатая демунципализация является прямо-таки нарушением общественной справедливости.

Но мы уже слышим насмешливые замечания доктринеров о нашей „мелкобуржуазности“. Теоретикам, которым не удалось „сварить русского мужика в фабричном котле“, мы зададим вопрос:

Что лучше — быть сторонником кооперативного владения домами самими жильцами, или лить воду на мельничные колеса крупной буржуазии в расчете со временем опять экспроприировать ее, т.е. снова нажать себе самого бесцеремонного из хозяев — государственную власть?

БЕЗ ДИРИЖЕРА

Рабский дух так внедрился в душу народных масс и даже людей науки, что не так давно такой выдающийся ученый, как Максим Ковалевский, с наивной уверенностью утверждал, что „в психологии всех существ, призванных к общественной жизни, коренится неотразимый запрос на руководство“.

Хотя со времени Великой Французской Революции права личности („человека и гражданина“) получили принципиальное признание, но как только дело доходит до практической общественной жизни, до совместной деятельности многих, то тотчас же возрождается старое монархическое начало. Республиканские, демократические и даже федеративные ярлыки прикрывают монархическую сущность государственного централизаторства. В частности, даже в одной из отраслей искусства, в музыке, „просвещенный абсолютизм“ в лице режиссера или дирижера сам собой разумелся, не оспаривался. Сказать, что оркестр может играть, и превосходно играть, без режиссерской палочки, показалось бы столь же диким, как многим еще кажется безумием наше утверждение, что общественная жизнь может прекрасно существовать и преуспевать без государственной власти.

А между тем в искусстве этот опыт уже сделан, и с блестящим успехом.

Вот оценка, которую дает на столбцах самих официальных „Известий“ рецензент этой газеты, т. Антон Углов, о симфоническом концерте из произведений Бетховена без дирижера, имевшем место 13-го минувшего февраля:

„Внешняя сторона превосходна: точные, уверенные вступления, дружная солидарность в темпах. Касаясь исполнения, надо констатировать, что бывали моменты такого подъема, такой силы нервного напряжения всей оркестровой массы, охваченной чувством творческого единства, которых почти никогда не встречаешь „под управлением“ дирижерской палочки.

Опыт удался. Выяснились и возможности своеобразного симфонического стиля — яркая пламенность звучаний, богатая эмоциональность (на основе сотворчества) движения“.

Опыт творческого единства в искусстве, без дирижерской указки, удался. Теперь очередь за политикой.

Правда все та же...

“ Если неправдою можно завоевать правду, то что ж тогда правда?

Вл. Соловьев.

Правда все та же... К берегу Честному
Други, гребите быстрее!
Верьте Прекрасному, верьте Чудесному,
Верьте, и будьте смелей!

Пусть не страшат вас оковы суровые,
Пытки, и меч, и тюрьма.
Верьте, — пройдут скоро тучи тяжелые,
Всегда пред победой — борьба.

В мир зла, где не знают Великого,
Правда святая придет.
Не дорогой меча и насилия дикого
Счастье она принесет.

Путь меча и огня, и насилий, и слёз,
Не для Правды святой:
Путь ея, путь ума, светлых грёз,
Путь другой,

Правда всё та же... К берегу Честному,
Други, гребите быстрее.
Верьте Прекрасному, верьте Чудесному,
Верьте — и будьте смелей.

Ф. Шевченко

НЕ НАСТАЛО ЛИ ВРЕМЯ?

(За административно осужденных).

Один из бывших следователей В.Ч.К. на допросе назвал аресты по сотрудническим сведениям и последующие заочные приговоры, без допущения защиты, „административным судом“. В связи с упразднением В.Ч.К. по борьбе с явной или тайной, предполагаемой или

действительной контр-революцией (а в сущности — административного воздействия на политических противников, на стоящих левее не менее сурового, чем на правых) естественно возникает вопрос: не настало ли время всеобщей политической амнистии?

Мы бы желали, чтобы марксисты, показавшие столь большую решительность при наступлении, во время проведения в жизнь своих экономических теорий, проявили не меньшую последовательность при отступлении на так называемом „экономическом фронте“ —чутьочку свободы для всех, больше терпимости к иначе верующим и мыслящим.

Что бы ни говорили доктринеры, влюбленные в свои „диалектические“ построения, сила социализма всегда заключалась в его нравственных стремлениях к справедливости и состраданию — к этим двум деятельным силам, объективно столь же мощным в своих проявлениях, как и хозяйственные стремления.

С многими тысячами осужденных страдают десятки тысяч близких, жен и детворы.

Будьте же хоть немного социалистами!

ЭТИКА И ПОЛИТИКА

Со временем, когда историки русской революционной мысли остановят свое внимание на последних годах жизни П.А. Кропоткина, их поразит одно явление: Кропоткин, который посвятил 50 лет своей жизни научному обоснованию и проповеди социальной революции, Кропоткин, столь отзывчивый к текущим событиям, Кропоткин, глубокий старец с хрупким здоровьем, нашедший силы лично выступить на Всероссийском Совецании, вдруг, в полный разгар социальной революции, находясь в самом очаге ее, замолкает и посвящает все свои силы, главные свои помыслы... научной разработке этики.

Казалось бы, не может быть более явной измены делу, которому он служил всю свою долгую жизнь; на первый взгляд, тут по крайней мере на лицо дезертирство с поста, как говорят военные. А между тем это было поразительным проявлением чуткости гения, предугадывающего опасности завтрашнего дня, грозящие заветной задаче коренного обновления общества — делу социальной революции. Он удаляется из рядов бойцов не для заслуженного отдыха, а чтобы беззаветно посвятить все свои силы без остатка предотвращению нависшей над всеми нами, — над «победителями» не менее, чем над «побежденными», — грозной опасности.

Эта опасность уже видна всем зрячим, она пагубнее для возрождения нашей жизни, чем загнанная внутрь, бурлящая злоба «белых» и крутой нажим победоносной «красной» власти. Эта опасность — та моральная неразборчивость в средствах, на почве которой вчерашние заклятые враги нашли общий язык. Это не «смена вех», а перенесение старых, реакционных вех в революционный лагерь.

Но что ужаснее всего, это то, что они, правые всех оттенков, приобрели на это нравственное право.

За колесницей победителя всегда шли побежденные, но их вели связанными, их волокли силой. А эти — бегут добровольно, убежденно, искренно.

«Победителей не судят», гласит поговорка. Не потому, конечно, что это опасно, а потому, что обыкновенно это невозможно. Пока что поговорим о побежденных, не на полях брани только, но и в святилище внутренних убеждений.

Вот правый эс-эр, видный деятель Архангельского правительства, Владимир Игнатьев, «приявший» Советскую власть после упорной борьбы с нею. Он обращается с открытым письмом к Н.В. Чайковскому, убеждая его последовать своему примеру.

«Может быть, — пишет он, — моральное чувство не допускает отказа от борьбы с Советской властью, безоговорочного ее признания, может быть, кровь бесчисленного ряда жертв гражданской войны обязывает к этому? Сейчас этот мотив стал излюбленным в кругах эмиграции: на ней строят невозможность совместной работы с властью.

Вспомните, Николай Васильевич, хотя бы наш север, Архангельск, где мы строили власть, где мы правили! И вы, и я были противниками казней, жестокостей, но разве их не было? Разве, без нашего ведома, на фронтах (например, в Пинежском и на Печоре) не творились военщиной ужасы, не заполнялись проруби живыми людьми? Да, мы этого, к сожалению, в свое время не узнали, но это было, и не падает ли на нас, как на членов правительства, тень за эти злодеяния? Вспомните тюрьму на острове Мудьюге, в Белом море, основанную союзниками, где содержались «военнопленные», т.е. все, кто заподозревались союзной военной властью в сочувствии большевикам. В этой тюрьме, куда проехать я не получил от союзных властей разрешения в течение шести месяцев, хотя я был во главе местной губернской власти — правительственным губернским комиссаром, но куда, наконец, приехал в сопровождении прокурора, — в этой тюрьме начальство — комендант и его помощники — были офицеры французского командования, что там, оказывается, творилось? 30% смертей арестованных за 5 месяцев от цынги и тифа, держали арестованных впроголодь, избиения, холодный карцер в погребе в мерзлой земле; в больнице этой тюрьмы члены Онежской уездной земской управы, больные тифом, отморозили себе пятки и пальцы на ногах.

«А в Сибири при Колчаке? Расстрелы арестованных при эвакуации из Тобольской тюрьмы: арестованные при эвакуации были убиваемы и потопляемы, в том числе социал-демократ Писаревский; из эвакуировавшихся из Омской тюрьмы при Колчаке из нескольких сот человек дошло до Новониколаевска только три десятка... остальные были перебиты. Я сам видел сожженные колчаковскими карателями деревни, разграбленные польскими легионерами крестьянские избы, где было ими расхищено все, до бабьих юбок включительно.

Да, жестокости творились и у нас, и у коммунистов — таковы неизбежные спутники гражданской войны. Мораль здесь одинакова и для коммунистов, и для их противников, и за нее демократической эмиграции прятаться не приходится»...

Так рассуждают социалисты-революционеры Игнатьевы и со всем своим «нравственным багажом» переходят в стан победителей.

Они даже не задумываются над тем — почему это французы, которые во всяком случае не были ослеплены русскими страстями в гражданской войне, творят те же жестокости? Игнатьевы сожалеют только, что «в свое время не узнали», когда «заполнялись проруби живыми людьми», и находят, что от этого на них падает всего-навсего... «тьма»!

Так по былой мужицкой психологии цари не были виноваты в творимых властями преступлениях: они «не знали».

Но ведь теперь-то Игнатьевы и Чайковские на деле убедились, что при всей доброй воле верхи власти не могут быть вездесущими и что «приявшие власть» должны или мириться со всеми ее ужасными последствиями, или же отшатнуться от нее навсегда. И они помирились с ней, а Игнатьевы признали вдобавок за своими вчерашними противниками монополию на власть со всеми, вытекающими из нее последствиями.

Морально слепые, они обдуманно, без фанатизма, подкладывают дрова в костер государственной инквизиции, на котором веками терзается человечество.

Да, «мораль здесь одинакова и для коммунистов, и для их противников» из общего социалистического лагеря...

В другой колокол, но и тот же тон звонит вчерашний монархист, правый из правых, А.В. Бобринцев-Пушкин, тоже «приявший» Советскую власть обнаружением своей «Новой веры» (в сборнике «Смена вех»).

Игнатьеву не приходится перебороть свои убеждения: «то, во имя чего мы боролись, — пишет он Чайковскому, — эти лозунги срединных элементов, волею истории и революции, оказались присущими Советской власти». Для Бобринцева-Пушкина же большевизм — «новая вера» и он приемлет эту веру от власти современного Владимира Святого, лишь бы сохранить в «новой вере» старое языческое содержание.

Блестящий публицист, широко образованный человек, почти эрудиция, мысль его привольно летает через века из древней истории к современной, по русской и иностранной литературе. Ему ничего не стоит нанизать, как на ниточку, пол-дюжины исторических имен — «Нерона, Гелиобала, Марии Тюдор, Бирона», жестоких тиранов, «ничего не строивших, проливавших кровь потому, что им так нравится», и других имен — «Суллы, Марка Аврелия, Ивана Грозного, Петра Великого, Кромвеля, Людовика XI, Ришелье, Робеспьера», тоже жестоких, проливавших кровь. Но «каждый из них строил разное, но, знал зачем проливает кровь и, если то, что он строил, было умно и полезно, то история (воплотившись, очевидно, в лице Бобринцева-Пушкина) ему его кровавый грех отпускала». Так примиряется он с большевистским террором.

Бобринцев-Пушкин хорошо знает и «философию, литературу, искусство» — «Гёте, Шиллера, Гейне в Германии, В. Гюго во Франции, Пушкина, Лермонтова, Достоевского и всю светлую плеяду русских писателей»; он читал даже Герцена и Прудона и все же открыл «новую веру» социализма лишь после того, как он окончательно был выброшен за пределы родины

вместе с Деникиным и потерял всякую веру в возможность установления в России какой-либо иной власти, кроме большевистской. «Советская власть, при всех своих дефектах, максимум власти, могущей быть в России, переживающей кризис революции», и этого достаточно, чтобы примирить его с этими «дефектами».

Советская власть «одета в несокрушимую броню», и все же у нея «есть Ахилесова пята. Кто хочет, — может за это ухватиться и, торжествуя, цитировать. Эта Ахилесова пята — анархия. Это Кронштадт, это — царь Махно¹. Жаль одного: они не правее, а левее большевиков».

Тут-то зарыта собака, в этом объяснение, почему Бобрнцев-Пушкин «приял» государственный социализм. Но, опытный тактик, он начинает издалека.

«Непостижимо для нас, — пишет он, — как могли римляне есть мурен, откормленных телами бросаемых в пруд рабов. Непостижимо, как мог цвет средне-вековой культуры присутствовать, как на празднике, при ауто-да-фе. Так же будет непостижимо нашим потомкам, как могли современные культурные люди пользоваться булавками и спичками, зная, что для их выделки люди отравляются металлическою и фосфорною пылью... Виноват каждый, приколовший булавку, чиркнувший спичку». Так тонко излагает символы своей «новой веры» запоздалый неофит Бобрищев-Пушкин. Но все его мысли и чувства в конечном счете преломляются через призму черносотенной души. Очень важно, чтобы будущее России находилось «в крепких, сильных руках». «Не ново, что против сильной власти всегда раздаются обвинения (как прежде против царизма, очевидно. — Прим. редак.), что оно держит население в рабстве, будто бы управляет им помимо его воли». «В настоящую эпоху она (твердая власть) вопрос существования России. Но уже тогда дозировать твердость трудно, да и некогда и не до того совсем, — пусть деспотизм, пусть суровость, лишь бы вожжи не были выпущены из рук».

Пусть у власти интернационалисты, но они же явно творят национальное дело!»...

«В международной политике считаются лишь с тем, кто может наделать неприятностей, или, еще лучше, катастрофу. Одной из лучших шахматных комбинаций Ленина было опереться на Азию. Осуществлено единение с Бухарой, с Афганистаном... Персия в руках большевиков. Турция, Персия, Бухара, Афганистан — это путь в Индию... Пусть английский флот сторожит проливы — дипломатическою бескровною победою Россия зашла ему в глубокий тыл, осуществляет и здесь веками неосуществимое задание»...

Реальный политик, Бобрищев-Пушкин, подобно Игнатьеву, тоже не останавливается перед разоблачением своих вчерашних политических друзей, но не для того, чтобы ими осудить навеки государственность, а для... ее оправдания.

«Террор — не козырь для белого, или красного лагеря в обвинениях противников. Здесь оба лагеря преступны, оба обагрили руки в братской крови — не бойцов, а беззащитных, часто детей и женщин... И теперь, при возмущении большевистским террором, теми, кто уверял, что хочет Россию освободить от террора, в одном Новороссийске было расстреляно столько рабочих и крестьян, что их опутанные колючею проволокою трупы всплывали на самом взморье... В.Л. Бурцев был в Новороссийске в самый разгар белого террора — и не сказал ни

слова: ведь он поддерживал Деникина. Первым моим впечатлением, когда я перешел фронт, готовый молиться на добровольцев и их трехцветный флаг, были рассказы офицеров, хваставшихся пытками, которым они подвергали пленных и количеством расстрелянных, которое я тогда запомнил на всю жизнь: у Армавира одиннадцать тысяч, у Белой Глины — семь. Потом я узнал, что эти цифры преувеличены, хотя были случаи расстрела в данной местности или деревне, в виде кары, всего мужского населения, но какова же психология этих хваставшихся, преувеличивавших цифры? Я должен подчеркнуть, что террор, в общем своем типе, как Новороссийские расстрелы, или экзекуции провинившихся деревень, был не эксцессом отдельных лиц, а правительственным актом. Но и тогда, когда хронически, месяц за месяцем имели место постоянные эксцессы, разве власть не виновна, по крайней мере, в попустительстве?..

Я бежал от красных именно потрясенный террором — и наткнулся на террор. Возмущался отсутствием свобод — и увидел народ в такой кабале, хотя бы крестьян, преданных помещикам на расправу, что перед этим бледнеет коммунистическая диктатура: правда, от нея страдал мой класс, а на юге — крестьяне и рабочие. Словом, все отрицательные стороны советского строя, на которые так нападают, я видел на юге, часто в еще большей степени... Здесь не может быть никаких сделок с совестью. Террор позорен — постыден садизм его, неведомый не только якобинцам, но и инквизиторам...

...Не приходится ли тогда отказаться от всякого общения с запятнавшими себя таким преступлением? Однако, есть ли русская партия... не обагрившая руки в крови?.. И какая партия теперь согласилась бы, принимая власть, отменить смертную казнь? Не кажется ли убеждение о необходимости именно теперь ее отмены, чтобы вывести человечество из кровавого тупика, всякому ответственному политическому деятелю, наивной маниловщиной?.. Так война нас стремительно отнесла к юриспруденции и психологии средних веков». А потому Бобрищев-Пушкин, вежливо, перед читателем, «извинившись за неуместную сентиментальность и возмущение казнями и пытками» в наши времена, оставляет в силе лишь свой приговор... над римлянами, евшими мурен, откормленных трупами рабов.

И нашлись социалисты, которые эту привычную для реакционеров сделку со своей совестью, эту мнимую «смену вех» приветствовали как признание революции!

Ясно, что смено-веховцы не своим идеалам изменили, а сошлись с социалистическими противниками из государственного лагеря лишь в тактике, лишь в выборе, или, вернее, отсутствии выбора в средствах.

Каким образом это могло случиться?

По той простой причине, что политика, т.е. государственные приемы воздействия на общественную жизнь, исключает этику.

Теперь, по справедливому замечанию Кропоткина, люди бьются между аморализмом Ницше и, по существу, религиозным предопределением Канта. Суть дела не изменяется от того, что на место индивида-сверхчеловека подставляется коллектив, класс, якобы избранный данной исторической ступенью развития. Другие же, признающие религиозное

предопределение, говорят о «воле истории и революции», об «отпущении кровавых грехов историей», чтобы этим путем заглушить невольное возмущение собственной совести против вопиющих жестокостей, якобы «неизбежных спутников гражданской войны», — против смертной казни, требование отмены которой в конце концов сами же называют «наивной маниловщиной».

Игнатьевы и Бобрищевы-Пушкины не могут понять, что жестокости и преступления, которые они разоблачают, присущи не только обостренным периодам политической борьбы, но и самой природе государственной власти. Игнатьевы не отдают себе отчета в том, что если даже перенести весь тюремный комфорт Североамериканских Соединенных Штатов на остров Мудьюг, то и тогда лишение свободы инакомыслящих людей все же останется неоправданной жестокостью.

Хотя и разными путями, но победители и побежденные сошлись на признании политической аморальности.

Это могло произойти потому, что символ веры древней римской государственности: благо республики — высший закон (над нравственными законами, очевидно), современные социалистические партии переняли, видоизменив слегка устами Плеханова в благо революции — высший закон. А так как ныне революция и государственность неразрывно сплелись между собою, то отсюда трогательное признание старыми реакционерами государственниками новых творцов государства: «Пусть деспотизм, пусть суровость, лишь бы вожжи не были выпущены, из рук» — восклицает Бобрищев-Пушкин, страшась пуще всего анархии «левее большевиков» и встречая ту же непреклонную суровость к ней у государственных социалистов.

Чем же провинилась анархия, этот идеал идеальнейшего из людей, Кропоткина, перед государственниками?

Очень немногим. Тем, что она ставит этику выше политики; тем, что она отказывается оправдывать жестокости одной власти неизбежными жестокостями другой, а потому отрицает всякую государственную власть; тем, что она отвергает старые приемы господствовавших классов и ищет иных путей для обновления общества, чем тюрьмы и казни.

Старая государственность, угнетая народ и причиняя ему страдания, опиралась на религию, чтобы одурманивать его и оправдывать самую себя. Новая государственность оправдывается мнимой наукой, — воспринятой Бобрищевым-Пушкиным по старому навыку, как «новая вера», — и «политической необходимостью».

Не «новую веру» и мнимую «политическую необходимость» возвещает анархия Кропоткина, а новую этику. За это ее и ненавидят косные профессионалы политики, как грешники — угрызения совести.

Новая этика основателя научного анархизма ищет себе опору не в отвлеченных словах — благо революции, государства, задания веков и т.д., которыми «ответственные политические деятели» всех партий покрывают свои жестокости, а в наблюдениях над

самой жизнью, в великом законе общительности и взаимной помощи, бьющем неиссякаемым ключом в животных и человеческих обществах и разливающимся по всему миру через государственные границы и классовые преграды. Разве не видим мы новейшее могучее проявление этой новой, но давно возникшей на земном шаре этики в той широкой помощи голодающим крестьянам России, которую стремятся оказать народы Западной Европы и Америки в то самое время, как правительства этих стран почти враждуют с Советской властью?

Устраните политические (правительственные) преграды, разве не падут сами собой и классовые преграды, разбивающие народы на враждующие государства и сословия?

Тщетно политика прячется за новой религией «исторического материализма», как некогда прикрывалась христьянством.

Если религия — опиум для народа, яд, усыпляющий его страдания, то политика — отравка, яд, причиняющий ему мучения.

Примечания

¹ Бобрищев-Пушкин намекает на распространенную среди белых легенду, опровергаемую им, будто Махно „за крестьянского царя“ и вступал в союз с Деникиным.

К вопросу оздоровления русской кооперации

В настоящее время кооперативное движение в России формально приняло небывало широкие размеры. Чтобы убедиться в этом, достаточно указать на то, что все население на территории Р.С.Ф.С.Р. считается формально объединенным в потребительские кооперативы согласно изданных на сей предмет декретов. Мало того, многие граждане, в особенности в городах, фактически состоят даже не в одном, [а] в двух и нескольких потребительских кооперативах. Кооперативы всех видов привлекают теперь внимание широких слоев населения и все общественные классы тянутся к ним, желая найти в них спасение от современных экономических и политических зол и напастей. К ним тянутся трудовые классы: крестьянство, рабочие, трудовая интеллигенция, — желая найти в них облегчение своей нужды и избавление от голода. К ним тянется и буржуазия всех степеней, желая под кооперативной вывеской выгодно обделывать без особого риска свои коммерческие дела, или „отсидеться“ до поры, до времени и сохранить свои промышленные предприятия. Многочисленные кооперативы всех видов и всех степеней создаются теперь без особого труда, — побудительных причин для этого в населении достаточно; явочный порядок регистрации устава несомненно облегчает задачу; этому способствует точно также и то, что за последнее десятилетие выработался профессиональный тип кооператора-практика, кооператора-дельца, который занимается „кооперированием“ как своим профессиональным

занятием не ради осуществления идей кооперации, а во многих случаях ради достижения частных практических целей. Всё это вместе взятое и придает кооперативному движению вид массового движения.

Но всякое движение, раз оно достигает широких размеров и принимает вид массового движения, неизбежно мельчает в своих идеологических основах, выпуклость и яркость которых стирается и загрязняется от всеобщего употребления. Такое явление и наблюдается теперь в процессе развития кооперативного движения в России и даже усиливается все более и более вследствие отсутствия свободно организованного общепризнанного органа для моральной оценки и идейной проверки деятельности вновь возникающих кооперативов в смысле соблюдения ими чистоты кооперативных принципов и стремления их к осуществлению кооперативного идеала. Отсутствие такого органа дает возможность прикрываться кооперативным флагом и так называемым лже-кооперативам, т.е. хозяйственным предприятиям, имеющим название кооператива, но не соблюдающим кооперативных принципов и не стремящихся к осуществлению идей кооперации.

Если развитие кооперации будет продолжаться и дальше в таких же условиях, в каких оно развивается за последние годы, то она не изменит своего направления и будет функционировать: или как сеть казенных лавок, называемых „потребилловками“, или как сеть торгово-посреднических контор и производственно-торговых капиталистических предприятий, ставящих своей целью лишь хозяйственные задачи и совершенно игнорирующих другую, более важную сторону кооперации — возвышение общественной активности личности членов и воспитание в них способности к хозяйственному самоуправлению, т.е. способности вести кооперативно-общественное хозяйство на основе самодеятельности всех участников кооператива.

Поскольку в деятельности современной русской кооперации эта последняя сторона задач является, в лучшем случае, лишь редким исключением, постольку она представляет собою лишь хозяйственный аппарат без духовного содержания, „раму без картины, тело без души“¹, — это труп, может быть живой труп, но разлагающийся...

По мысли М.И. Туган-Барановского, кооперация является „новой формой общественного (курсив наш) хозяйства, который может иметь успех только при условии известного воодушевления, морального подъема участников этого хозяйства“. Она имеет целью победить капитализм, но победы и завоевания кооперации возможны лишь благодаря росту кооперативного воодушевления и энтузиазма².

В настоящее время воодушевление в кооперации угасло и тем более нет энтузиазма. Поэтому она в таком виде не может служить орудием победы над капитализмом.

Как всякое оружие, чтобы достичь победы, должно быть отточено, так и кооперация, для достижения своих основных высших целей, нуждается в духовном подъеме.

Источником такого духовного подъема в кооперации было и всегда должно быть общественное учреждение в виде Всероссийских Кооперативных Съездов. Роль таких учреждений в истории кооперативного движения в России бесспорно сыграли 1-ый Всероссийский Съезд 1908 года в Москве и 2-ой Всероссийский Кооперативный Съезд 1913

г. в Киеве. В порядке дня этих съездов не стояло ни политических, ни узко-хозяйственных вопросов: их внимание всецело было сосредоточено на вопросах кооперативной идеологии и организационных вопросах.

Последовавший затем 3-ий Всероссийский Съезд 1917 года, к сожалению, не смог пойти по пути своих предшественников. Будучи созван совершенно в исключительный момент истории России и без достаточной предварительной подготовки, он сошел с пути кооперативного нейтралитета и это послужило той апельсиновой коркой, на которой поскользнулась русская кооперация, что и привело ее в состояние современной деморализации.

С тех пор, можно сказать, не было всероссийских кооперативных Съездов. В последнее время хотя происходили всероссийские съезды отдельных видов кооперации, как сельскохозяйственной, промысловой, но эти съезды созывались для разрешения специальных узко-хозяйственных вопросов и, разумеется, того влияния, какое имели съезды 1908 и 1913 гг., того позднейшие съезды иметь не могли.

В настоящее время в созыве Всероссийского Кооперативного Съезда по типу съездов 1908 и 1913 гг. назрела большая необходимость. Этот Съезд, точно так же, как и первый Съезд, должен быть созван нейтральной организацией и должен быть посвящен вопросам теории и практики современной кооперации, чтобы наметить пути ее дальнейшего развития и вдохнуть ей веру в свое могущество.

Практическим выводом этого Съезда должно быть создание Совета Кооперативных Съездов, — постоянного органа, проводящего в жизнь директивы съездов, — без чего современная кооперация не может развиваться в духе солидарности и самодеятельности всех членов, объединяемых кооперативом.

Ив. Артельный.

Примечания

¹ М. Слобожанин. — См. Производсоюз, № 13-15.

² М. Туган-Барановский. „О кооперативном идеале“.

„ИСПОВЕДЬ“

“ ...Кумир революционной молодежи М. Бакунин, который, как недавно обнаружилось, написал позорную исповедь свою для Николая I и унижительные просьбы о помиловании Александру II !..“

Л. Дейч

(„Н.А. Некрасов и семидесятники" в № 3 „Пролетарской Революции", стр. 24, М., 1922 г.).

Если в 1922 году говорят об „Исповеди“, то каждый понимает, что речь идет о так называемой „Исповеди“ Бакунина.

Бакунин, уже несколько лет заживо погребенный в Алексеевском равелине, а затем в Шлиссельбургской крепости, пишет обращения к своим царственным мучителям — к Николаю I, потом к Александру II.

Когда Бакунин, арестованный в 1851 г. в Хемнице и приговоренный к смерти, под влиянием революционного экстаза и вопреки естественному инстинкту самосохранения, отказывается подписать прошение королю о помиловании, он — герой!

Когда после нескольких лет одиночного заключения в ужасных условиях, экзальтация проходит и в его неистощенном еще для покорной смерти мощном организме пробуждается жажда жизни и деятельности, и он ищет спасения в единственно доступном ему средстве — хитрости, Бакунин низводится с пьедестала.

Как верно передает эту обывательскую психологию армянская поговорка: „поди умри, вернись — полюблю тебя"! Человек должен стать искупительной жертвой, чтобы толпа его оценила.

Еще Иегова запретил: „не сотвори себе кумира“. Кумир можно создать себе лишь в виде какого-то чудища, наделенного неестественными свойствами, а Бакунин был человек, и только человек.

И именно как человек, у которого громче всего звучала струна возмущения против всякого рода насилий и порабощения, заглушая все остальные струны человеческих слабостей, быть может, заложенных в нем, Бакунин дорог нам всем, пробуждающимся от сна Макарам, угнетенным государственной властью.

Благожелательный и любящий друг, В.Н. Фигнер, захотела видеть в т.н. „исповеди“ искренность, объяснимую авизмом, возвратом к взглядам ранней молодости. Нечто вроде болезненного раздвоения личности, явления, известного современной психологии. Доводы, приводимые ею: содержание переписки с родными из Шлиссельбургской крепости и поведение и образ жизни в Сибири. Но ведь Бакунин знал, что каждая строка его переписки читалась и, по всей вероятности, списывалась, и это должно было именно внушить ему мысль этим путем подкрепить мнимую искренность обращения к царю. А поведение в Сибири — едва ли достаточное подтверждение. Руководить людьми было одной из слабых струн Бакунина.

Куда пронизательнее был Александр II, когда, держа в руке письмо Бакунина, воскликнул, обращаясь к одному из царедворцев: „Mais je n'y vois pas de repentir!“ („Но я в нем не вижу раскаяния!“)

На что, много времени спустя, уже в Лондоне, Бакунин заметил Герцену: „Дурак, он хотел repentir!“ Одно это замечание исключает предположение об искренности в обращениях к царям.

Видеть в этой вынужденной неискренности, в этой тактической лжи по отношению к слепой и грубой силе самодержавия приложение макиавеллистского начала „цели, оправдывающей средства“ едва ли справедливо. В макиавеллизме осуждают агрессивную неразборчивость в средствах. Нельзя применять ту же оценку к вынужденной самообороне, не попирающей интересы третьих лиц. Уж если винить, то заодно обвините в скрытности и лжи умалчиванием или отрицанием арестованных на допросе, тоже преследующих, только пассивно, этими путями известные цели. Или вините в макиавеллизме Галилея, после пыток внешне отрекшегося от своего учения.

Бакунин был человек и мог иметь человеческие слабости, но за „исповедь“ не перед кем ему каяться: ни перед обществом, к которому он не обращался, подобно Белинскому и Некрасову, ни перед товарищами, которым он не изменил, к которым он стремился всей душой.

Как человек, Бакунин умел страстно любить свободу и ненавидеть государственное принуждение, пробуждая дремлющие во всех нас, угнетаемых и обираемых, такие же чувства. В этом главное его общественное значение и за это мы все, млад и стар, его любим, а не делаем из него кумира, как это воображают идолопоклонники государственности, окуривающие фимиамом змеиную мудрость своих „вождей“.

Если „Исповедь“ Бакунина позорна и унизительна, то не для его мощного исторического облика, а для извращающего начала государственной власти.

Всего важнее то, что Бакунин-революционер лишь много лет спустя после „Исповеди“ становится принципиальным анархистом. По-видимому, испытанный нравственный разлад, невольно связанный даже с вынужденной ложью, углубил в его сознании оценку сущности государственной власти. В этом все психологическое и моральное значение „Исповеди“.

ФАНАТИЗМ И ДИСЦИПЛИНА

Когда в VII-ом веке арабы вторглись в Египет и завладели Александрией, их вождь, правитель Амру, послал спросить калифа Омара, как поступить с богатой Александрийской библиотекой?

„Если эти книги подтверждают Коран, то они бесполезны, — ответил Калиф, — если же они противоречат ему, то вредны. Во всяком случае уничтожить их!“

После столь решительного постановления сокровища Александрийской библиотеки пошли на отопление, в течение шести месяцев, александрийских бань.

Омар был фанатик и аскет. Невежественный, он довольствовался верой в слова Пророка и явно высказывал свое презрение к науке наравне с презрением ко всем благам земного

существования. Он засыпал на ночь на ступенях мечети, вместе с погонщиками верблюдов и грузчиками; единственной утварью ему служили кувшин и чашка из кокосовой скорлупы.

Читая об этой исторической были у Элизе Реклю („Человек и Земля“, рус. пер., стр. 906), невольно напрашивается сравнение с современными буржуазными государствами, не исключая и Китая с его древней цивилизацией, которые преследуют неугодные им течения мысли самым утонченным образом.

В буржуазных странах Европы, равно как и в Китае, печать „свободна“, но зато существует целый арсенал законов и указов, по которым могут конфисковать ваши произведения, предать вас суду, засадить в тюрьму. Так, даже Кропоткин, признанный ученый, отбыл „тюремную повинность“ в республиканской Франции за печатное слово. Но если исключительные умы, вроде Кропоткина, все же пробивают себе путь и заставляют в конце концов даже противников уважать свое слово, то сколько мыслей заурядных смертных гибнет в этой неравной борьбе с законом! А между тем отдельные усилия рядовых людей дают ту равнодействующую, которую называют народным творчеством и без которой никакая революция невозможна.

Омары, подобно бессознательной стихии, уничтожали творения человеческого гения. Но цивилизация не погибла с сожжением Александрийской библиотеки. Омары истребляли плоды человеческого ума, но не посягали на плодородие почвы, выращивавшей их. Совсем иначе поступают европейские и китайские буржуазные законодатели. Беспреданно угрожая множеством карательных законов, они принижают свободную мысль, обезличивают ее. Все сильное, гордое, независимое гложет или гибнет; множится же и процветает закон: послушная посредственность, бюрократическая казенщина или льстивая литература людей, умеющих держать нос по ветру, вроде российских Гредескулов и иных смено-веховцев. Словом, получается обратный отбор.

Омары были фанатиками. Они верили в свою правоту и спали на ступенях своего храма. В этом их нравственное оправдание.

Но чем могут оправдаться современные буржуазные чиновники,

В одной из своих речей Ленин привел слова Маркса, что „во время революции делается не меньше глупостей, а иногда и больше“. Нужно выискивать эти глупости, чтобы их устранить. В этом отношении грубейшей ошибкой будет для революции, если она станет подражать буржуазным законодателям в преследовании печатного слова. Эти преследования привели буржуазную цивилизацию к вырождению. Они же способны погубить и революцию.

По независящим от редакции обстоятельствам № 4 „Почина“ не мог быть выпущен своевременно и, несколько измененный, выходит вместе с № 5

К читателям ПОЧИНА

В 1918 году, в начале своей деятельности, группа „Почин“ разослала своим единомышленникам круговое письмо, в котором между прочим, говорилось:

„В то время, как активные деятели разных политических и социальных течений превратили политику и пропаганду в своего рода профессию и орудуют средствами, извлекаемыми из своих единомышленников систематичным обложением, анархистское течение, понятно, не может поддаться такой форме „организации“. Вследствие этого наша пропаганда носит неустойчивый характер и питается случайными сборами.

С другой стороны, часть деятельных анархистов, — речь идет о безусловно идейных товарищах, а не о сомнительных элементах, прикрывающихся нашими теориями или извращенно усвоивших наше учение, — видя свою материальную беспомощность в деле пропаганды, стали проповедовать и применять произвольные экспроприации во имя „дела“, „общего блага“. К сожалению, они упускают из виду, что так практикуемая экспроприация (отчуждение) фактически сводится к аппроприации (присвоению). Политические партии, захватывающие власть, не иначе обращаются с общественным достоянием.

Наша небольшая группа задалась целью организовать систематическую пропаганду на началах трудовой производительной артели кооперативного типа. Основная задача нашей артели — поднять, путем товарищескою сплочения усилий, интенсивность труда своих членов до такой степени, которая, обеспечивая нам необходимые средства для существования, позволяла бы весь излишек уделять идейной пропаганде против политической и экономической власти человека над человеком“.

Наши ожидания полностью оправдались. Несмотря на общеизвестные политические превратности последних лет, чаша которых не миновала и нас, нам все-таки удалось выпустить ряд брошюр, листовок и 15 номеров „Почина“. Но по тем же причинам наш орган до сих пор выходил и рассылался весьма неправильно. В настоящее время государственная власть установила более определенные отношения к еще редкой „инакомыслящей“ повременной печати. Благодаря введению предварительной цензуры явилась возможность издавать периодический орган без большого риска последующих преследований.

Но по причине необыкновенного, даже для нашего времени, роста стоимости бумаги (ставшей фактически предметом государственной монопольной торговли) и дороговизны почтовых отправок (тоже монополизированных государством во всех странах), „Почин“ будет рассылаться впредь только тем подписчикам, которые по получении настоящего номера подтвердят желание продолжать получать наш орган и оказывать ему материальную поддержку.

Просим впредь письма и переводы направлять по следующему адресу ответственного редактора: **Москва, Коровий Вал, д. 16, кв. 14, тов. А. Атабекян.**

Группа „Почин“.

* * *

Всероссийский Общественный Комитет по увековечению памяти П.А. Кропоткина организовал в Москве при Музее памяти Кропоткина книжную экспедицию сочинений Кропоткина и других анархических произведений. Весь доход от экспедиции предназначается на усиление средств Музея, не пользующегося, само собой разумеется, государственной субсидией.

Высылка литературы производится за наличный расчет.

Ниже приводим список части изданий, которыми располагает в настоящее время книжная экспедиция. Полный каталог будет напечатан особо.

Цены части литературы указаны в золотых рублях с переводом на советские денежные знаки по фактическому рыночному курсу; издания без указания цен будут расцениваться по их розничной продажной стоимости в Москве ко времени получения денег.

Расходы по пересылке относятся за счет заказчика.

Требования и переводы адресовать: **Москва**, ул. Кропоткина (быв. Пречистенка), **переулок Кропоткина, д. № 26, Всерос. Общ. Ком. памяти П.А.Кропоткина, книжная экспедиция.**

Издания В.О. Комитета:

Однодневная газета, издан. в годовщину смерти П.А. Кропоткина. 3 к.

Памяти П.А. Кропоткина. Сборник № 1-ый. 35 к.

Готовится к печати сборник № 2-ой.

Издания „Голоса Труда“:

П. Кропоткин —

Взаимная помощь.

Поля, фабрики и мастерские.

Современная наука и анархия.

Хлеб и воля.

Речи бунтовщика.

Записки революционера.

Справедливость и нравственность.

К чему и как прилагать труд ручной и умственный [сокращенное изложение книги „Поля, фабрики и мастерские“].

Анархия.

Анархическая работа во время революции.

Коммунизм и анархия.

Политические права.

Новый Интернационал.
К молодым людям.

Печатается— Этика.

Избранные сочинения—
Бакунина, Элизе Реклю, Малатесты и друг.

Издания „Почина“:

Г. Сандомирский	Луиджи Бертони	5 к.
—	Плеханов и анархисты	3 к.
—	Анархизм и право захвата	1 к.
Элизе Реклю	Основные законы истории	2 к.
	Программа государственного социализма Гракха Бабефа (в изложении А.И. Герцена)	1 к.
Ал. Атабемян	Старое и новое в анархизме	4 к.
—	„Великий опыт“	4 к.
—	Кооперация и анархизм	3 к.
—	Дух погромный	2 к.
—	Кровавая неделя в Москве	4 к.
—	Против власти	25 к.
—	Право и власть	3 к.
	Комплекты 1-ой серии „Почина“, сброшюрованные и в обложке (11 номеров)	20 к.
	Портреты П.А. Кропоткина (2 снимка)	по 4 к.
	Отдельные №№ „Почина“	2 к.
С.Г. Кропоткина	„Полярная елочка“, детский рассказ из жизни политических ссыльных, с двумя рисунками П.А. Кропоткина.	6 к.